This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

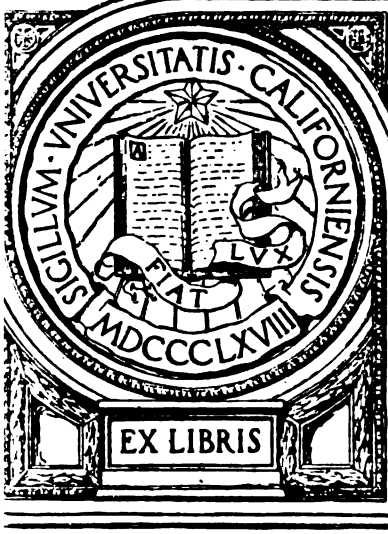
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

DK
71
T3

Digitized by Google

FROM · THE · LIBRARY · OF ·
PAUL · N · MILIUKOV ·



EX LIBRIS

Digitized by Google

Tarangovskii

Многоуважаемому Е.С
Николаю Павловичу
Павлову-Сильванскому
от автора

Feodalizm v Rossii

ФЕОДАЛИЗМЪ ВЪ РОССІИ.

Критическій очеркъ

Ѳ. В. Тарановскаго.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА,
Краковское-Предмѣстье. № 8.

1902.

Digitized by Google

Digitized by Google

ФЕОДАЛИЗМЪ ВЪ РОССІИ.

Критическій очеркъ

Ѳ. В. Тарановскаго.

Тарановский
Ф. В.
Сальковский

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА,
Краковское-Предмѣстье, № 3.

1902.

Digitized by Google

DK71
T3

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ проф. *Г. Ульяновъ.*

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

Во вторую половину прошлаго года печаталось въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.*, а къ концу того же года вышло отдѣльнымъ изданіемъ изслѣдованіе Н. П. Павлова-Сильванскаго: „Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси". Трудъ этотъ, хотя несомнѣнно не можетъ считаться завершеніемъ изысканій еще молодого ученаго, все же является нѣкоторымъ обобщеніемъ болѣе раннихъ и болѣе спеціальныхъ работъ того же автора и по тому же вопросу, и вслѣдствіе этого долженъ быть изучаемъ въ генетической связи съ ними [1]). Основная мысль всей произведенной авторомъ исторической работы—та, что политическій строй удѣльной Руси совершенно подходитъ подъ типъ феодальной государственности, которая господствовала на европейскомъ континентѣ [2]) въ средніе вѣка. Къ послѣднимъ относятся и наши феодальные порядки, дѣйствовавшіе на протяженіи XIII—XV столѣтій [3]), представляющіе пол-

---

[1]) Труды *Н. П. Павлова-Сильванскаго*, относящіеся къ ученію о феодализмѣ удѣльной Руси, слѣдующіе: *Люди кабальные и докладные*, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1895 г. Январь, и отд. изд. Спб. 1895 г.; *Закладничество-Патронатъ* въ Запискахъ Имп. Русск. Арх. Общ. т. IX вып. 1 и 2, и отд. изд. Спб. 1897 г.; *Государевы служилые люди (Происхожденіе русскаго дворянства)* Спб. 1898 г.; *Иммунитетъ въ удѣльной Руси* въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1900 г. № 12, и отд. изд. Спб. 1900 г.; наконецъ, *Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси* въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г. № 7 и др., и отд. изд. Спб. 1901 г.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить, что при сравненіи авторъ нигдѣ не имѣетъ въ виду англійскаго феодализма.

[3]) *Феодальныя отношенія*, стр. 82.

M22639

Digitized by Google

ное развитіе особенно въ XIV и XV вѣкахъ [1]) и въ XVI вѣкѣ смѣняемые московскимъ государственнымъ строемъ [2]).

I.

Прежде чѣмъ перейти къ непосредственному изложенію ученія нашего автора, считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться на двухъ вопросахъ: 1) въ чемъ заключаются отличительные признаки феодализма? и 2) какими методами пользовалась и пользуется историческая наука въ разработкѣ вопроса о феодализмѣ? За отвѣтомъ обратимся къ литературѣ вопроса. Оставляя въ сторонѣ болѣе отдаленныхъ и устарѣвшихъ изслѣдователей феодализма, ограничимся важнѣйшими представителями новой въ изученіи феодализма эпохи [3]).

Ротъ выдвигаетъ три основныхъ признака феодализма: вассальную службу королю, жалованное землевладѣніе и зависимость однихъ свободныхъ людей отъ другихъ по началу сеніоральной власти [4]). Послѣдняя является наиболѣе существенной: на ней зиждется іерархическая лѣствица договорной зависимости однихъ свободныхъ людей отъ другихъ, которая

---

[1]) *Ibidem*, стр. 36.

[2]) Уже при Іоаннѣ III Н. П. Павловъ-Сильванскій видитъ рядъ мѣропріятій, „направленныхъ къ уничтоженію удѣльно-феодальныхъ порядковъ и *завершенныхъ опричниной* Іоанна Грознаго". См. *Феодальныя отношенія* etc., стр. 21; сравн. *Ibidem* стр. 24 и 25.

[3]) Мы отнюдь не имѣемъ въ виду даже самаго бѣглаго очерка литературы феодализма и отмѣчаемъ только типичныя ея направленія, и то лишь примѣнительно къ спеціальной нашей цѣли, заключающейся въ подготовкѣ къ обсужденію вопроса о феодализмѣ въ Россіи.

[4]) *Paul Roth*, Feudalität und Unterthanenverband, Weimar, 1863, S. 31.: „Das Feudalwesen beruht wesentlich auf drei Verhältnissen, die häufig aber nicht nothwendig zusammentreffen, der besonderen Dienstpflicht gegen den König (Verhältniss der königlichen Vassi), der Verleihung von Beneficien und der dauernden Abhängigkeit Freier von anderen Freien (Seniorat)".

Digitized by Google

составляетъ прямой контрастъ непосредственному подданству единой государственной власти, характеризующему античную и новую государственность [1]).

Лучшій изъ современныхъ знатоковъ средневѣковаго германскаго права Бруннеръ установляетъ тѣ же, что и Ротъ, признаки феодализма, но привноситъ болѣе точное расчлененіе отдѣльныхъ институтовъ феодализма. Послѣдній слагается, по мнѣнію Бруннера, изъ совокупности: жалованнаго землевладѣнія, вассалитета и сеніората, выражающаго собою не іерархическую зависимость въ средѣ вассаловъ, какъ полагалъ Ротъ, а державную власть землевладѣльца (Grundherrlichkeit) надъ людьми, стоящими ниже лѣствицы вассальныхъ отношеній. Въ непосредственную связь съ сеніоратомъ Бруннеръ ставитъ два дополнительныхъ къ нему феодальныхъ института: иммунитетъ, легализующій сеніоральную власть, и институтъ фогтовъ, являющихся органомъ этой власти, чрезъ который она функціонируетъ [2]).

Знаменитый „чтецъ текстовъ" Фюстель-де-Кулянжъ въ сочиненіи, завершившемъ его многолѣтнія историческія изысканія, даетъ весьма цѣнное обобщеніе существенныхъ признаковъ феодализма. „Три черты", говоритъ онъ, „характеризуютъ феодальный порядокъ. *Во-первыхъ*: при этомъ порядкѣ земля находится въ такого рода обладаніи, что владѣлецъ ея не есть ея истинный собственникъ. Его пользованіе землею можетъ быть почти обезпеченнымъ, можетъ быть даже наслѣдственнымъ, но оно никогда не составляетъ полной соб-

---

[1]) Этотъ контрастъ отмѣченъ въ самомъ заглавіи труда Рота: „Feudalität und Unterthanenverband", см. кромѣ того слѣдующія слова автора: „Das Feudalwesen steht endlich dadurch in direktem Gegensatz gegen alle öffentliche Ordnung, dass es die Unterordnung der einflussreichsten Classe der Bevölkerung nicht auf das Verhältniss des Unterthanen zur Obrigkeit, sondern des Vassalen zum Senior begründet, das formell durch Vertrag bestimmt wird" (l. c. p. 28).

[2]) *H. Brunner*, Deutsche Rechtsgeschichte, II. Band, Leipzig, 1892, §§ 91—95.

Digitized by Google

ственности. Всегда недостаетъ ему нѣкоторыхъ аттрибутовъ собственности, такихъ, напримѣръ, какъ право продажи или право отказа по завѣщанію. Кромѣ того, его пользованіе землей является условнымъ, т. е. подлежащимъ либо оброку, либо службѣ, словомъ—извѣстнымъ обязанностямъ, и неисполненіе этихъ обязанностей влечетъ за собою утрату владѣнія. *Во-вторыхъ*: территорія раздѣлена на крупные домены, которые называются сеніоріями. Въ каждомъ изъ нихъ царитъ свой сеніоръ, и всѣ люди домена ему повинуются. Этихъ людей судитъ онъ, вмѣсто того, чтобъ ихъ судилъ король или какая либо иная публичная власть. Податною повинностью и военною службой они обязаны по отношенію къ нему, а не къ королю. Такимъ образомъ, всякій отдѣльный доменъ представляется маленькимъ государствомъ. *Въ-третьихъ*: сеніоры не всѣ одинаково зависятъ отъ короля, но также и другъ отъ друга. Послѣдняя зависимость происходитъ отъ того, что всякій изъ сеніоровъ получилъ свою сеніорію отъ другого, признаніе чего производится формально съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Такимъ образомъ всякій держитъ землю отъ другого и въ силу этого является подчиненнымъ другому. Отсюда то и поднимается іерархія вассаловъ и сюзереновъ, которая восходитъ вплоть до короля“ [1]).

Приведенная характеристика Фюстель-де-Кулянжа имѣетъ весьма важное значеніе, потому что въ ней, съ одной стороны, дается болѣе широкая картина феодализма, основанная на большемъ обобщеніи, съ другой стороны,—расчленяются отдѣльные его институты, которые нерѣдко смѣшивались. Въ первомъ отношеніи важно то, что Фюстель-де-Кулянжъ выдвигаетъ въ качествѣ существеннаго признака феодальнаго землевладѣнія не жалованность его, но служебность, вообще зависимость. При такой широкой постановкѣ вопроса подъ фео-

---

[1]) *Fustel de Coulanges*, Histoire des institutions politiques en France. Les origines du système féodal. Le bénéfice et le patronat pendant l'époque mérovingienne. Paris. 1890. Introduction, p. XII—XIII.

Digitized by Google

дальный, или ленный типъ подходятъ, какъ это и было въ дѣйствительности, не только пожалованныя для службы, но и предложенныя самимъ владѣльцемъ вмѣстѣ съ личной его службою сюзерену земли. Во второмъ отношеніи, важно то, что Фюстель-де-Кулянжъ точно различаетъ доменіальныя права сеніора, какъ почву, на которую опиралась вся лѣствица феодальной іерархіи, и вассальныя отношенія, составлявшія содержаніе этой іерархіи, представлявшей собою своеобразную надстройку надъ доменомъ-сеніоріей.

Указанныя обѣ стороны феодализма, отмѣченныя Фюстель-де-Кулянжемъ, съ особенною тщательностью выяснилъ ученикъ его Сеньобосъ, развившій общія положенія своего учителя въ спеціальномъ изслѣдованіи феодальныхъ порядковъ въ Бургундіи [1]).

На поставленный выше вопросъ, въ чемъ заключаются отличительные признаки феодализма, мы привели отвѣты авторитетнѣйшихъ его изслѣдователей. Резюмируя приведенные отвѣты, мы можемъ указать слѣдующіе отличительные призна-

---

[1]) См. *Charles Seignobos*, Le régime féodal en Bourgogne, Paris, 1882 г., p. 98: „Ce n'est pas le roi ou le duc qui a donné en fief aux seigneurs de grands domaines pour les distribuer en arrière-fief aux nobles inférieurs. Ce ne sont pas des hommes libres petits propriétaires qui, en reprenant leurs alleux en fief de nobles puissants, leur on formé de grands domaines qui se seraient mis ensuite sous le vasselage du duc. Le mouvement est parti de l'étage moyen vers le haut et vers le bas, et le régime s'est fondé à la fois par les deux systèmes. D'abord les grands propriétaires devenus souverains ont distribué une partie de leur domaine en fief à des nobles sans terre, constituant le régime vers le bas là où le besoin était le plus puissant. Plus tard ils ont placé leur propre domaine dans le domaine du duc, en reconnaissant, par une fiction du genre de la recommandation, avoir reçu de lui les terres qu'ils tenaient de leurs ancêtres"..... „Sous ce nom (*sc.* le nom de *droits seigneuriaux*) sont réunies deux sortes de droits qui n'ont rien de commun: les *droits domaniaux* sur les tenanciers qui, suivant l'usage romain, appartiennent au seigneur comme propriétaire (dominus) et les *droits féodaux* sur ses vassaux que le seigneur exerce comme suzerain en vertu du contrat de fief. Il faudrait pourtant démêler cette confusion" (l. c. p. 281—282).

Digitized by Google

ки и основные институты феодальной государственности: менъ-сеніорію, какъ институтъ организованной и охраняе иммунитетомъ державной власти болѣе или менѣе крупн землевладѣльца „благороднаго“ происхожденія надъ несвоб ными, полусвободными и во всякомъ случаѣ низшаго сосл людьми, живущими и на самыхъ разнообразныхъ юриди скихъ основаніяхъ работающими на его землѣ; ленный до воръ, установляющій взаимную зависимость между вполнѣ с бодными и „равнородными“ людьми, какъ личную, такъ и земельную [1]). Въ нашемъ резюме мы отмѣтили налично юридически регламентированнаго различія сословій, какъ не ходимаго условія феодальнаго строя [2]). Послѣдній, будучи п вергнутъ юридической конструкціи, представляетъ собою о бый типъ сложнаго государства (т. н. Staatenstaat), въ кот ромъ государственная власть раздроблена по отдѣльнымъ де

---

[1]) Лампрехтъ различаетъ слѣдующія die halbstaatlichen Gew ten des früheren Mittelalters: Lehnsnexus, Grundhörigkeit und Vogt hörigkeit (см. *Karl Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben im Mitte alter, Leipzig, 1886, I. Band, S. 1139 u. flg.), и болѣе подробно раз ясняетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ: „Die unfreien Leu gingen fast ausnahmslos in der Grundhörigkeit auf, die freien Leu wurden überwiegend Grundholde oder Vogteileute. Freilich nur übe wiegend. Denn die Freien traf noch ein weiteres, sozusagen in Obe strömung zur Grundherrlichkeit und zur Vogtei herlaufendes Fermen mittelalterlicher Standesbildung, die Lehnsherrlichkeit. Traf aber di Lehnsherrlichkeit als ständebildender Factor die unteren Schichten de Bevölkerung nicht, so erreichte sie doch hier und da die noch spora disch vorhandenen einfachen Freien, und allseitig den sich aus ihnen entwickelnden Adel“ (l. c. p. 1141).

[2]) По поводу сословности см. слова Лампрехта въ предыду щемъ примѣчаніи, кромѣ того ниже слѣдующее замѣчаніе глубокаг знатока средневѣковаго германскаго права Гомейера. По поводу раз личія между леннымъ жалованіемъ и передачей въ чиншевое владѣні Гомейеръ говоритъ: „Der Unterschied ist nicht in eine beschränkter Dauer zu setzen, denn auch das Zinsrecht kann selbst ein erblicher sein..... Er liegt ferner nicht im Mangel einer Herrschaft über den Zinsmann, die vielmehr regelmässig vorhanden seyn wird, sondern in der

Digitized by Google

жавнымъ сеніоріямъ; нѣкоторыя общія верховныя права, отъ этого дробленія уцѣлѣвшія, не доходятъ въ своемъ дѣйствіи непосредственно до подданныхъ, но воздѣйствуютъ лишь на сеніоральную и сюзеренную власть, внутренняя политическая жизнь которыхъ отправляется совершенно независимо и самостоятельно [1]).

Выяснивъ по мѣрѣ силъ первый изъ предварительныхъ вопросовъ, обратимся ко второму изъ нихъ — о томъ, какими методами пользовалась и пользуется историческая наука въ разработкѣ вопроса о феодализмѣ?

Въ методологическомъ отношеніи исторіографія феодализма испытала воздѣйствіе того общаго переворота, который произошелъ въ половинѣ прошлаго столѣтія въ государственной наукѣ вслѣдствіе нарожденія и развитія ученія объ обществѣ [2]). Примѣнительно къ этому воздѣйствію можно различать въ изученіи феодализма два слѣдующихъ другъ за другомъ метода,—политическій и соціально-политическій [3]). Сущность перваго заключается въ томъ, что изслѣдователь сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на политическихъ элементахъ общежитія, т. е. на различныхъ отноше-

---

näheren Beschaffenheit seiner Abhängigkeit, in der Natur seiner Leistungen als unritterlicher, bäuerlicher. Ein zinspflichtiges Gut, heisst es, kann für den Zinsenden kein Lehn sein..... Man kann von einem Ebenbürtigen allerdings Lehnsdienste, aber keinen Zins empfangen" (*C. G Homeyer*, Sachsenspiegel, II. Theil: System des Lehnsrechts der sächsischen Rechtsbücher, Berlin, 1844, S. 270—271).

[1]) См. *Georg Jellinek*, Die Lehre von den Staatenverbindungen, Wien, 1882, S. 137—139; *его же*: Das Recht des modernen Staates, I. Band: Allgemeine Staatslehre, Berlin, 1900, S. 291 u. 684—686.

[2]) Объ этомъ см. *Robert von Mohl*, Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, I. Band, Erlangen, 1855, S. 69—110.

[3]) Терминъ „политическій" производится здѣсь отъ „политики" въ широкомъ, аристотелевскомъ, смыслѣ ученія о государствѣ, а не въ тѣсномъ смыслѣ ученія о цѣляхъ и средствахъ государственнаго воздѣйствія, а также не въ специфическомъ смыслѣ прикладной соціологіи (соціальнаго прогнозиса).

Digitized by Google

ніяхъ и организаціи власти. Второй изъ указанныхъ методовъ характеризуется прежде всего принципіальнымъ признаніемъ того, что политическіе элементы не представляютъ собою первообразнаго или же единственно опредѣляющаго общежитіе начала; напротивъ того, они являются производными соціальныхъ элементовъ, слагающихся внѣ воздѣйствія власти, или, по крайней мѣрѣ, неизбѣжно координируются съ соціальными элементами. Сущность соціально-политическаго метода заключается, именно, въ координированномъ изученіи двухъ сторонъ общежитія: соціальной и политической.

Политическій методъ господствовалъ въ изученіи феодализма до середины прошлаго столѣтія и захватилъ даже часть второй его половины. Слѣдуя ему, старые изслѣдователи феодализма выводили послѣдній изъ простѣйшаго политическаго факта завоеванія [1]) и спеціальныхъ законовъ о раздѣлѣ военной добычи, будто бы примѣненныхъ къ владѣнію и пользованію землей. Теорію завоеванія, не оправдавшуюся болѣе тщательнымъ изученіемъ фактовъ, смѣнила на почвѣ того же политическаго метода другая теорія, которая объясняла учрежденія феодализма хотя и не военнымъ, но все же властнымъ воздѣйствіемъ сверху. Такое ученіе развилъ Ротъ въ нѣсколькихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ феодализму [2]). На мѣсто завоеванія Ротъ поставилъ мирную законода-

---

[1]) Къ сожалѣнію, наивную теорію старины воскресилъ въ наше время Л. Гумпловичъ въ своихъ сочиненіяхъ: Rechtsstaat und Socialismus (1881), Grundriss der Sociologie (1883), System socyologii (1887), Sociologie und Politik (1892 г.) и др., въ которыхъ простѣйшій политическій фактъ завоеванія выставленъ единственнымъ объясненіемъ многосложнаго развитія общежитія. „Соціологъ-пессимистъ“ наряжается въ перья дарвинизма, но сквозь драпировку виднѣется нагота старой доктрины, давно уже отвергнутой, хотябы въ изученіи феодализма.

[2]) *P. Roth*, Die Kronungsvertheilungen unter den Merovingern, 1848; Geschichte des Beneficialwesens, 1850; Feudalität und Unterthanenverband, 1863; Die Säkularisation der Krongüter unter den Carolingern, 1864.

Digitized by Google

тельную реформу, которую провели въ VIII вѣкѣ каролинги, измѣнивъ кореннымъ образомъ первоначальное государственное устройство франковъ. Реформа эта началась съ секуляризаціи церковныхъ земель, которая доставила средства для феодализаціи монархіи франковъ; раздача же секуляризованныхъ земель лицамъ, годнымъ къ кавалерійской службѣ, и замѣна прежней поголовной военной службы всего народа установленіемъ военной повинности и власти однихъ сеніоровъ, выставлявшихъ свои отряды, совершили самую феодализацію.

Совершенно иное объясненіе феодализма дало примѣненіе соціально-политическаго метода, согласно которому изученіе начиналось съ соціальныхъ элементовъ и только завершалось элементами политическими. Важнѣйшимъ представителемъ соціально-политическаго метода въ изученіи феодализма является Фюстель-де-Кулянжъ.

Занимаясь спеціальнымъ вопросомъ о происхожденіи феодализма, Фюстель-де-Кулянжъ начинаетъ съ разбора старыхъ политическихъ теорій. Тщательно свѣривъ ихъ съ фактами, онъ приходитъ къ заключенію, что зарожденія феодализма нельзя найти вообще въ публичномъ строѣ предшествовавшей эпохи. Источникъ его, по словамъ Фюстель-де-Кулянжа, не въ политическихъ учрежденіяхъ, но въ традиціи, въ привычкахъ, въ нравахъ и отношеніяхъ частной жизни, которая постепенно развила всѣ соотвѣтственные институты, получившіе затѣмъ политическое значеніе [1]). Авторъ выражается своеоб-

[1]) „Quand nous avons étudié les institutions publiques, soit dans la société romaine, soit dans la Germanie, nous n'y avons rien vu qui eût un caractère féodal. Nous n'avons rien trouvé qui ressemblât au fief, ni même au bénéfice, origine du fief. Il faut que nous fassions la même étude sur les institutions d'ordre privé. C'est dans celles ci en effet, que nous pourrons saisir les origines de la féodalité. La féodalité n'est pas née d'un système politique; elle a pris naissance dans les usages de l'existence individuelle. Loin qu'elle ait été créée par une révolution, c'est d'une lente tradition d'habitudes qu'elle est sortie. La vie privée a été le terrain où elle a germé. Elle s'est établie dans les moeurs des particuliers et dans leurs relations entre eux longtemps avant de se produire comme organisme politique",—*Fustel de Coulanges*, op. cit., p. 63.

Digitized by Google

разно, но изъ всего изложенія видно, что подъ его „частною жизнью“ выступаетъ не что иное, какъ соціальные элементы. Путемъ подробнаго, микроскопическаго, если такъ можно выразиться, анализа всѣхъ относящихся къ дѣлу данныхъ Фюстель-де-Кулянжъ воспроизводитъ соціальную организацію феодализма, которая затѣмъ стала и политической. Различіе политическаго и соціально-политическаго метода выступаетъ особенно рельефно по вопросу о военной организаціи. Прежде она, какъ и всякій политическій элементъ, полагалась во главу угла, и изъ нея выводили объясненіе всего строя. Къ совершенно иному выводу привели Фюстель-де-Кулянжа документальныя изысканія, произведенныя по правильному методу. Изучивъ соціальные элементы, онъ далъ полную картину мирнаго, такъ сказать, развитія различныхъ отношеній зависимости, создавшихъ феодализмъ, и въ концѣ своего труда могъ свободно сдѣлать совершенно правильный выводъ, что военная организація была не производящей причиной, но производнымъ отраженіемъ соотвѣтственной организаціи мирной [1]).

Соціально-политическимъ методомъ въ изслѣдованіи феодализма пользуется также Сеньобосъ. Въ противоположность прежнему объясненію феодализма властнымъ воздѣйствіемъ сверху, онъ считаетъ необходимымъ изучать феодальные порядки снизу и предпосылаетъ въ порядкѣ изслѣдованія соціальные элементы политическимъ [2]).

---

[1]) „L'armée était constituée sur le modèle de la société civile: on disait indifféremment *exercitus* et *populus*. Tous les hommes libres portaient les armes. Les magistrats civils étaient en même temps les chefs militaires; ceux qui, pendant la paix, jugeaient et gouvernaient les hommes, étaient aussi ceux qui les conduisaient au combat. Quand les cadres de la société civile seront changés, ce système militaire changera avec eux. Il s'adoptera au nouvel ordre social. Les hommes obéiront alors comme soldats à ceux dont ils dépendent comme fidèles, et le seigneur se présentera devant le roi comme le chef militaire des hommes“, —*Fustel de Coulanges*, op. cit., p. 430.

[2]) *Charles Seignobos*, Le régime féodal en Bourgogne, Paris, 1882, p. VII: „Convaincu que le régime féodal ne peut être compris si on le

Digitized by Google

Ученіе объ обществѣ пріобрѣло особенную продуктивность въ своихъ выводахъ съ тѣхъ поръ, какъ въ основу объясненія соціальнаго развитія было положено изученіе экономическихъ факторовъ, какъ производящихъ причинъ перваго порядка. Это общее направленіе соціологической мысли отразилось и на изученіи феодализма. Примѣненіе къ послѣднему соціально-экономическаго метода произведено съ большимъ успѣхомъ въ нѣмецкой литературѣ Ламрехтомъ и въ нашей—М. М. Ковалевскимъ [1]). Цѣнныя изслѣдованія этого

contemple du centre du royaume et du haut du gouvernement, parce qu'il s'est formé au fond du pays et par le bas, on a voulu pour le regarder de près, descendre sur le terrain ou il reposait..... avant de parler du gouvernement on a cherché à voir les classes qui formaient la société, l'origine, la condition et le rôle de chacune".

[1]) *Karl Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Для нашего вопроса особенно важенъ I томъ (Leipzig, 1886).

М. М. Ковалевскій, Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Том. I—II, Москва, 1898—1900 г.

Частныя попытки экономическаго объясненія феодализма производились и раньше. Даже Ротъ ссылался на экономическую сторону, причемъ объяснялъ феодализацію старой франкской монархіи въ числѣ другихъ причинъ и переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному (см. *P. Roth*, Feudalität und Unterthanenverband, S. 335), что свидѣтельствуетъ о слабомъ его знакомствѣ съ экономическимъ развитіемъ того времени. Болѣе рѣшительно и болѣе удачно настаивалъ на экономическомъ объясненіи феодализма Кауфманъ (*Kaufmann*, Die Entstehung der Vassalität eine Folge wirthschaftlicher Veränderungen, Jahrb. f. Nationalökonomie u. Statistik, Bd. XXIII, 1874). Его точку зрѣнія поддерживаетъ Менцель въ своей довольно въ общемъ поверхностной работѣ (*Wiktor Menzel*, Die Entstehung des Lehnswesens, Berlin, 1890, см. стр. 76). Экономическое объясненіе, правда, не вполнѣ сознательно проведенное и недостаточное, находимъ также у Фюстель-де-Кулянжа; въ этомъ отношеніи кромѣ общей ссылки на все содержаніе его изслѣдованія, можно еще въ особенности подчеркнуть слѣдующее его мѣсто: „La pratique du précaire a eu une influence considérable sur l'histoire de Rome. Qu'on nous permette de présenter ici quelques faits de cette histoire. Ils ne sont pas sans quelque analogie avec ceux que nous verrons se produire au moyen âge.

Digitized by Google

направленія отыскали прочные корни феодализма въ замкнутомъ помѣстномъ хозяйствѣ, къ которому сводилось экономическое развитіе Европы въ средніе вѣка [1]).

II.

Покончивъ съ предварительными вопросами, обратимся къ нашему автору.

Н. П. Павловъ-Сильванскій не даетъ общаго опредѣленія феодализма. Только въ одномъ мѣстѣ послѣдняго изъ своихъ трудовъ, по поводу литературнаго ихъ обсужденія онъ перечисляетъ важнѣйшіе феодальные институты, каковыми признаетъ: бенефицій (жалованное землевладѣніе), иммунитетъ, коммендацію (закладничество собственныхъ земель въ службу), вассалитетъ, а также раздробленіе власти [2]), въ которомъ различаетъ иммунитетныя и суверенныя права [3]). Изъ приведеннаго перечисленія видно, что нашъ авторъ слѣдуетъ цѣннымъ опредѣленіямъ Фюстель-де-Кулянжа, который вообще является главнымъ образцомъ для его собственныхъ работъ. Слѣдуетъ замѣтить, что нашъ авторъ нигдѣ не останавливается подробно на началѣ сословности, какъ необходимомъ элементѣ фео-

---

Cette comparaison nous montrera combien *les institutions sociales et politiques dépendent de la manière dont le sol est occupé*" (*Fustel de Coulanges*, Histoire des institutions politiques en France. Les origines du système féodal, Paris, 1890, p. 83).

[1]) Основанную на новѣйшихъ научныхъ данныхъ схему послѣдовательныхъ стадій экономическаго и обусловленнаго имъ политическаго развитія даетъ Карлъ Бюхеръ (см. *Karl Bücher*, Die Entstehung der Volkswirtschaft, 2-e Aufl., Tübingen, 1898, S. 49—124). На нее, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не обращено должное вниманіе въ нашей историко-юридической наукѣ, представители которой и теперь еще пробавляются устарѣлыми ученіями Фридриха Листа или нашего Зиберя.

[2]) *Феодальныя отношенія*, стр. 28 nota 1-а.

[3]) *Ibidem*, стр. 50.

Digitized by Google

дальнаго строя [1]). Это объясняется, думается намъ, тѣмъ, что и Фюстель-де-Кулянжъ не говоритъ о сословности. Но Фюстель-де-Кулянжъ изучалъ происхожденіе и нарожденіе феодальныхъ порядковъ, когда они еще не пріобрѣли полнаго политическаго значенія и, слѣдовательно, не получили законченной юридической формулировки, къ которой относится и установленіе сословныхъ различій. Нашъ же авторъ, исключивъ пока изъ своего изслѣдованія вопросъ о происхожденіи феодализма [2]), занимается изученіемъ его непосредственнаго дѣйствія и даже полнаго развитія [3]). Въ виду этого автору, по нашему крайнему разумѣнію, слѣдовало бы такъ или иначе выяснить вопросъ о сословности, особенно потому, что общепринятымъ въ исторіи русскаго права является прямо противоположное феодальнымъ порядкамъ положеніе о томъ, что древняя Русь не знала сословій [4]). У нашего автора имѣется еще свое спе-

---

[1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторомъ чувствуется возможное значеніе сословныхъ различій. См., напр., слѣд.: „Изъ общаго закладничества селъ по древнему обычному праву, конечно, не исключались и боярскія села, боярскія вотчины“, но непосредственно затѣмъ боярское закладничество порождаетъ особый, хотя бы по названію, институтъ „*отъѣзда* съ вотчинами“ (*Феодальныя отношенія*, стр. 45). Но авторъ нашъ совершенно проходитъ молчаніемъ столь важное въ феодализмѣ начало равнородности.

[2]) *Феодальныя отношенія*, стр. 73.

[3]) *Ibidem*, стр. 36.

[4]) Это пользующееся общимъ признаніемъ положеніе было формулировано впервые *В. И. Сергѣевичемъ* въ его капитальномъ трудѣ „Вѣче и князь“ еще въ 1867 году. Не смотря на всѣ достоинства названнаго труда, критикъ его *А. Д. Градовскій* вполнѣ основательно упрекнулъ его въ неподвижномъ догматизмѣ и въ отсутствіи историческаго движенія. Намъ кажется, что этотъ упрекъ особенно примѣнимъ къ положенію автора о безсословности древней Руси. „Исторія права“, говорилъ по поводу *Вѣча и князя* А. Д. Градовскій, „всетаки исторія, историческое изслѣдованіе..... Верховное же начало исторіи есть идея движенія. Историческое развитіе права состоитъ именно въ переходѣ отъ одного начала къ другому, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій. Если мы представимъ юридическія начала извѣстной

Digitized by Google

ціальное основаніе выяснить вопросъ о сословности, такъ какъ онъ самъ основываетъ своеобразіе русскаго феодализма на томъ, что у насъ въ удѣльный періодъ не было крѣпостничества [1]). Поэтому умолчаніе о сословности мы склонны объяснять не только подчиненіемъ автора Фюстель-де-Кулянжу, но и общей незаконченностью собственныхъ его изысканій, изъ которыхъ опубликованы пока лишь начальныя части, и сами по себѣ весьма цѣнныя.

Въ методологическомъ отношеніи нашъ авторъ тоже слѣдуетъ Фюстель-де-Кулянжу и примѣняетъ къ своимъ изысканіямъ его соціально-политическій методъ. Вслѣдствіе этого нашъ авторъ воздерживается отъ экономическаго обоснованія феодальныхъ отношеній въ удѣльной Руси. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ дѣлаетъ общія ссылки на экономическіе факторы [2]), но подробное изученіе ихъ дѣйствія относитъ къ будущему, когда обѣщаетъ дать разработку обширной темы о волостномъ устройствѣ, вотчинномъ хозяйствѣ и управленіи, и объ отношеніи вотчинъ къ маркамъ-волостямъ удѣльной Руси, предрекая тожество ихъ въ основныхъ чертахъ съ германскими [3]). Но это все въ будущемъ, а пока авторъ ограничивает-

---

эпохи съ точки зрѣнія покоя какъ догму, то связь этой эпохи съ послѣдующей будетъ непонятна. Для выясненія же этой связи необходимо обратить вниманіе на начатки новаго порядка вещей въ разсматриваемой эпохѣ".—*А. Д. Градовскій*, Государственный строй древней Россіи, Журн. Мин. Нар. Просв., часть CXL (1868 г.), стр. 102. Думается намъ, что догматическое положеніе „древняя Русь не знала сословій" грѣшитъ именно противъ верховнаго начала исторіи—идеи движенія. Съ точки зрѣнія послѣдней оно и нуждается въ пересмотрѣ въ предѣлахъ т. н. удѣльнаго періода.

[1]) „Наши княжата, бояре и владыки, въ общемъ, несомнѣнно, были слабѣе западныхъ феодаловъ. Причина ихъ сравнительной слабости заключалась въ отсутствіи у насъ въ удѣльное время крѣпостного права, которое давало на западѣ прочную опору феодальному землевладѣнію".—*Феодальныя отношенія*, стр. 66—67.

[2]) См. *Люди кабальные и докладные*, стр. 9; *Феодальныя отношенія*, стр. 51, 67. *Иммунитетъ въ удѣльной Руси*, стр. 46.

[3]) См. *Феодальныя отношенія*, стр. 73.

Digitized by Google

ся, по собственному его выраженію, „скелетомъ“ феодализма, который одинаковъ въ политическомъ строѣ средневѣковой континентальной Европы и удѣльной Руси [1]).

Подобно непосредственному ученику Фюстель-де-Кулянжа — Сеньобосу, Н. П. Павловъ-Сильванскій ведетъ свое изученіе феодализма снизу. Первымъ его шагомъ на этомъ пути было изслѣдованіе древне-русскаго закладничества [2]).

Нашъ авторъ возсталъ противъ принятаго историками русскаго права мнѣнія о закладничествѣ, какъ объ институтѣ залога лица, по существу одинаковомъ съ позднѣйшимъ кабальнымъ холопствомъ; опровергъ его и, опираясь на высказанный вскользь и забытый взглядъ С. М. Соловьева, самостоятельно и документально выработалъ новое объясненіе закладничества, какъ одного изъ явно выраженныхъ феодальныхъ институтовъ [3]).

Закладни удѣльнаго періода, какъ это, полагаемъ мы, доказалъ Н. П. Павловъ-Сильванскій, вовсе не обозначаютъ людей, заложившихся за долги; это просто люди, предавшіеся на чью либо защиту, отдавшіеся подъ чье либо покровительство. Отдаваясь лично подъ покровительство, они передавали подъ вотчинную власть патрона и свои земли. Въ эпоху безправія, справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, и неразвитой еще публичной власти слабые люди естественно искали защиты у частныхъ лицъ, сильныхъ князей или бояръ, и дѣйствительно находили ее, такъ какъ насиліе, совершенное надъ за-

---

[1]) *Ibidem*, стр. 13, 17, 59.

[2]) *Люди кабальные и докладные*, стр. 17—21 и спеціальное изслѣдованіе: *Закладничество-патронатъ*, 1897 г., а также отвѣтъ автора В. И. Сергѣевичу: „Новое объясненіе закладничества“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г. № 10.

[3]) См. отзывъ объ этой работѣ *В. Голикова* въ Журн. Юридич. Общ. 1897 г. Декабрь, и *Н. Рожкова* въ журн. *Жизнь*, 1900 г. № 9.

См. вызванную изслѣдованіемъ Н. П. Павлова-Сильванскаго статью *В. И. Сергѣевича*, Закладничество въ древней Руси, Журн. Мин. Нар. Просв., 1901 г., Сентябрь.

Digitized by Google

кладнемъ, господинъ считалъ за оскорбленіе своей чести. На общемъ фонѣ закладничества выдѣляется коммендація боярскихъ вотчинъ, имѣвшая мѣсто при поступленіи боярина въ службу князю. Въ доказательство существованія у насъ такой коммендаціи нашъ авторъ приводитъ, кромѣ косвенныхъ доказательствъ съ ссылкой на право отъѣзда съ вотчинами, еще и одно весьма цѣнное прямое доказательство въ видѣ текста одного акта XV вѣка, изъ котораго явствуетъ, что князь жалуетъ боярина его же собственной вотчиной, которою тотъ бьетъ князю челомъ на службу [1]). Такимъ образомъ, изслѣдуя закладничество, авторъ отмѣчаетъ несомнѣнный фактъ установленія соціально-политической зависимости мелкихъ землевладѣльцевъ отъ крупныхъ, фактъ, въ высшей степени важный для установленія феодализма, разъ къ нему присоединяются другіе не менѣе важные и несомнѣнные факты. А таковые нашъ авторъ находитъ и достовѣрно установляетъ, и въ числѣ ихъ удѣляетъ особенное вниманіе иммунитету, которому посвящаетъ спеціальное изслѣдованіе [2]).

Древне-русскій иммунитетъ давно уже обратилъ на себя вниманіе изслѣдователей и былъ до извѣстной степени разработанъ. Изслѣдованіе его нельзя было, однако, признать достаточно полнымъ и, именно, по двумъ причинамъ: 1) вслѣдствіе неполноты, или вѣрнѣе, односторонности документальнаго матеріала, и 2) вслѣдствіе того, что изслѣдователи не придавали констатированному древними актами явленію должной юридической конструкціи.

До самаго послѣдняго времени изслѣдователямъ извѣстны были главнымъ образомъ жалованныя грамоты монастырямъ, установлявшія иммунитетъ; число же такихъ грамотъ свѣтскимъ вотчинникамъ было незначительно, вслѣдствіе чего по-

---

[1]) А. А. Э., I, № 120. См. *Феодальныя отношенія.* стр 47—48.

[2]) Въ ноябрѣ 1898 года Н. П. Павловъ-Сильванскій сдѣлалъ докладъ въ Историческомъ обществѣ при Спб. Унив. (отчетъ о немъ см. Историческій Вѣстникъ, 1899 года, Январь, стр. 355), а въ 1900 г. напечаталъ изслѣдованіе *Иммунитетъ въ удѣльной Руси.*

Digitized by Google

слѣднимъ приписывали случайный характеръ. Только въ 1898 году А. Юшковъ опубликовалъ найденныя имъ въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи въ копіяхъ конца XVII вѣка цѣлыхъ пятьдесятъ восемь жалованныхъ грамотъ, несудимыхъ и льготныхъ, свѣтскимъ вотчинникамъ и помѣщикамъ, относящихся къ XV вѣку и первой половинѣ XVI-го. Н. П. Павловъ-Сильванскій воспользовался данными, доставленными этой цѣнной находкой, и благодаря этому могъ превратить прежнія случайныя явленія въ стройный институтъ, объемлющій какъ церковное, такъ и свѣтское землевладѣніе удѣльной Руси [1]).

Придать и раньше уже признаннымъ явленіямъ несудимости стройную конструкцію иммунитетнаго института нашему автору удалось, благодаря тому, что онъ умѣло воспользовался сравненіемъ нашихъ порядковъ съ соотвѣтственными порядками западноевропейскими.

Сравненіе дало автору возможность не только установить совпаденіе русскаго и германскаго института и въ основѣ, и во многихъ частностяхъ, но также и дорисовать иногда неполную картину того и другого. По признанію автора, латинскіе дипломы помогли ему понять нѣкоторыя неясныя черты порядковъ удѣльнаго времени, а наши обѣльныя и несудимыя грамоты дали матеріалъ для разъясненія нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ иммунитета германскаго [2]).

Основное начало иммунитета заключалось въ воспрещеніи княжескимъ властямъ доступа въ частное имѣніе. Оно выдержано одинаково какъ на западѣ, такъ и у насъ, причемъ совпадаютъ самыя формулы его выраженія. Развитіе этого начала вело къ признанію за вотчинникомъ судебныхъ и податныхъ привилегій на подчиненное населеніе его земельныхъ владѣній. И того, и другого рода вотчинныя привилегіи

---

[1]) См. *Иммунитетъ въ удѣльной Руси*, Спб. 1900 г., стр. 27 и слѣд.

[2]) *Ibidem*, стр. 4, 9, 12, 14.

Digitized by Google

дѣйствуютъ у насъ, какъ и на западѣ; замѣчаемыя здѣсь и тамъ особенности не противорѣчатъ другъ другу по существу, но лишь взаимно себя восполняютъ въ подробностяхъ.

И у насъ, и на западѣ главное ядро судебныхъ привилегій заключается въ томъ, что исполнительная судебная власть безусловно вручается вотчиннику. Что касается права самаго суда, то оно всецѣло ввѣрялось землевладѣльцу по отношенію къ его людямъ по взаимнымъ тяжбамъ послѣднихъ. Такъ называемыя „смѣсныя" дѣла разбирались и рѣшались на западѣ и у насъ различнымъ порядкомъ. На западѣ они разбирались и рѣшались или иммунитетными властями, или королевскими въ присутствіи представителя иммуниста; у насъ— княжескими властями совмѣстно съ иммунитетными. „Отличіе", говоритъ нашъ авторъ, „замѣтное, но отнюдь не существенное, не измѣняющее существа учрежденія. Въ порядкѣ русскаго смѣснаго суда вполнѣ ясно выразился основной принципъ иммунитета, принципъ подвластности лица землевладѣльцу-господину. Смѣсный судъ представлялъ собою удачное примиреніе интересовъ двухъ сталкивавшихся властей—иммуниста-землевладѣльца и княжескаго намѣстника" [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ грамотъ даже опредѣлялось, что смѣсный судъ долженъ засѣдать на нейтральной территоріи,—на границѣ между владѣніями монастыря и княжескими землями. Компетенція вотчиннаго суда иммуниста опредѣляется на практикѣ у насъ и на западѣ одинаково; только наши грамоты отличаются въ этомъ отношеніи болѣе точной формулировкой, чѣмъ западныя.

Въ податныхъ привилегіяхъ замѣчается между нашими и западными порядками полный параллелизмъ, причемъ можно отмѣтить даже дословныя совпаденія въ формулировкѣ грамотъ.

Установленіе иммунитета у насъ, какъ и на западѣ, является милостью и потому совершается одностороннимъ актомъ

---

[1]) *Иммунитетъ*, стр. 11.

Digitized by Google

пожалованія. Таковъ общій порядокъ, и только въ одномъ случаѣ констатируется въ Ярославскомъ княжествѣ договорное установленіе иммунитета [1]).

По вопросу о происхожденіи иммунитета нашъ авторъ склоняется въ сторону воззрѣній Маурера, который полагаетъ, что постепенное образованіе иммунитета было необходимымъ слѣдствіемъ выхода барскаго двора изъ марки-общины и тѣсной связи, существовавшей между господиномъ и зависимыми людьми, а также связанной съ этимъ замкнутости обитаемаго ими округа [2]). Въ нашихъ грамотахъ авторъ находитъ под-

---

[1]) *Ibidem*, стр. 25 nota 1-a.

[2]) Признаніе гипотезы Маурера о началѣ иммунитета въ исконной свободѣ крупныхъ имѣній отъ общинныхъ узъ находимъ въ болѣе позднее (относящіеся сюда труды Маурера принадлежатъ шестидесятымъ годамъ) время у Вильгельма Зиккеля, см. *Wilhelm Sickel*, Zum Ursprung des mittelalterlichen Staates въ Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, II. Ergänzungsband, Insbruck, 1886, S. 198—235.

Интересно отмѣтить, что подобную же точку зрѣнія на происхожденіе иммунитета встрѣчаемъ въ одномъ старомъ сочиненіи начала XIX вѣка, именно: *Eugen Montag*, Geschichte der deutschen staatsbürgerlichen Freyheit oder der Rechte der gemeynen Freyen, des Adels und der Kirchen Deutschlands, 2 Bücher, Bamberg und Würtzburg, 1812—1814. Авторъ его говоритъ: „Dass die Immunität des Adels, das ist, die von den öffentlichen Richtern exempte Eigengerichtsbarkeit auf adelischen Gütern von den ältesten Zeiten der Deutschen herrühre, unterliegt keinem Zweifel. Sie übersteigt das Alter der Urkunden, und die ältesten Dokumente reden von derselben als einer bekannten Sache. Man findet hierüber keine Konstitution, keinen Anfang der Einsetzung; kein Geschichtsschreiber macht von derselben Meldung als einer von den alten Königen eingeführten Gerichtsbarkeits=Einrichtung, welche doch eine der wichtigsten Staats=Neuerungen gewesen wäre. Die Capitularia der fränkischen Könige erwähnen derselben als einer bekannten Sache, wenn sie de proprietate Potentum reden. Was die Könige von Neuen Concessionen thaten, war nur Fortsetzung der alten Adelsgerichtsbarkeit auf den Gütern neuerer Familien. Es ist ganz nicht wahrscheinlich, das nur jene, welchen die Kaiser einzelne Concessionsbriefe gegeben haben, der Gerichtsbarkeit sich zu erfreuen hatten; denn

Digitized by Google

твержденіе этого воззрѣнія въ цѣнныхъ указаніяхъ на то, что права суда и дани съ древнѣйшихъ временъ, по изстарину обычаю составляли постоянную принадлежность крупнаго землевладѣнія. Все это авторъ подкрѣпляетъ сравненіемъ съ развитіемъ иммунитета въ Литвѣ, Болгаріи, Сербіи и Византіи.

Н. П. Павловъ-Сильванскій ставитъ въ непосредственную связь съ иммунитетомъ княжескую защиту (mundeburdis *v* defensio regis), подъ которую непосредственно попадалъ освобожденный отъ подчиненія мѣстнымъ властямъ иммунистъ [1]). И институтъ княжеской защиты открываетъ нашъ авторъ въ удѣльной Руси. Установленіе ея совершается у насъ нераздѣльно отъ другихъ привилегій въ общей жалованной грамотѣ. Въ этомъ замѣчается отличіе отъ порядковъ запада, гдѣ сохранились особыя защитныя грамоты. На основаніи толкованія одного мѣста Новгородской жалованной грамоты XV в. авторъ дѣлаетъ предположеніе о существованіи и въ удѣльной Руси особыхъ защитныхъ формулъ и грамотъ, которыя

---

die Immunität des Adels war zu allgemein, und das Wort Immunitas Potentum deutet auf eine allkündige Klasse von Staatsbürgern hin, derer Rechte nicht erst aus besonderen Concessionsbriefen zu erkennen sind" (*op. cit.* I. Buch, p. 143—144). Авторъ выводитъ иммунитетъ изъ института liberae aedes, постепенно перешедшаго въ immunitas ab introitu iudicum publicorum (*ibidem*, p. 146—148); путемъ пожалованій исконный дворянскій иммунитетъ перешелъ и на церкви (*ibidem*, p. 180 sq.; характерно, что это говоритъ *letzter Abst zu Erbach*, какъ прописано на заглавномъ листѣ). Все приведенное Монтагъ относитъ исключительно къ гражданской юрисдикціи вотчинниковъ (см. *ibidem*, p. 147). Уголовная юрисдикція вотчинниковъ создалась, по его мнѣнію, путемъ иммунитетныхъ пожалованій, въ которыхъ различались: Grafenbann u. Vogtbann, öffentlicher Bann u. Privatbann (*op. cit.*, I Buch, 2 Abth., S. 28 u. flg.

[1]) См. *Fustel-de-Coulanges*, op. cit., p. 404: „Est-ce la mainbour qui a entraîné l'immunité? Est-ce l'immunité qui a entraîné la mainbour? On ne saurait dire laquelle a précédé et a provoqué l'autre. Ce qui est certain, c'est qu'elles sont à peu près inséparables".

Digitized by Google

только не дошли до насъ. Другое отличіе авторъ замѣчаетъ въ томъ, что на западѣ подзащитный иммунистъ не освобождался отъ мѣстной подсудности совершенно, но получалъ лишь право аппеллировать на неудовлетворявшее его рѣшеніе мѣстныхъ судей къ королю, а на Руси онъ совершенно освобождался отъ подсудности мѣстнымъ властямъ и подлежалъ единственно суду великаго князя. Но это отличіе русскаго порядка не только не разрушаетъ существеннаго тожества съ западнымъ мундебурдіемъ, но даже, по мнѣнію автора, болѣе прямолинейно выражаетъ основное начало общаго института.

Констатированному въ удѣльной Руси институту иммунитета нашъ авторъ придаетъ политическое значеніе, и совершенно основательно видитъ его въ томъ, что иммунитетъ разрываетъ связь подданства между государемъ и населеніемъ, придавая землевладѣнію державный характеръ. Послѣдній рѣзко обнаруживается въ томъ, что, какъ видно изъ жалованной грамоты, данной въ 1450 г. новгородскимъ бояриномъ Василіемъ Степановичемъ игумену Пѣнешскаго монастыря, землевладѣльцы не только сами пользуются иммунитетомъ, но и даютъ иммунитетъ монастырямъ, освобождая ихъ отъ подчиненія своимъ властямъ—приказчикамъ и кунщикамъ.

Иммунитетъ является въ глазахъ нашего автора мостомъ, перекинутымъ отъ вотчиннаго землевладѣнія къ полному суверенитету. Сообразно этому, всѣ наши иммунисты бояре могли сдѣлаться суверенными владѣтелями, но они ими не сдѣлались по совершенно случайной, какъ полагаетъ нашъ авторъ, причинѣ,—вслѣдствіе быстраго размноженія рода владѣтельныхъ князей Рюриковичей. Эта случайная причина привела къ тому, что у насъ, въ противоположность западу, „окняженье“ земли предупредило ея „обояренье“ [1]).

---

[1]) Термины образованы авторомъ на основаніи древнихъ грамотъ, въ которыхъ лица, получавшія землю во временное владѣніе, обязывались „не окняжить, не обоярить“ этой земли. См. Записки Имп. Русск. Арх. Общ., т. IX, вып. 1—2, стр. 236 nota 1-а.

Digitized by Google

Послѣ предварительныхъ изысканій по спеціальнымъ вопросамъ о закладничествѣ-патронатѣ и объ иммунитетѣ, Н. П. Павловъ-Сильванскій выступилъ уже со смѣлымъ заявленіемъ и болѣе общимъ изслѣдованіемъ о „Феодальныхъ отношеніяхъ въ удѣльной Руси".

Проявленіе этихъ феодальныхъ отношеній онъ констатируетъ въ трехъ крупныхъ отрасляхъ политическаго строя изучаемой эпохи и страны: въ вассальной службѣ, въ ленномъ землевладѣніи и въ суверенной власти, находившейся въ состояніи крайняго и многообразнаго раздробленія [1]).

На западѣ въ періодъ, предшествовавшій феодализму, дѣйствуютъ три существенно важныхъ для политической, военной и сословной организаціи учрежденія: народное ополченіе, земская знать (или, выражаясь русскимъ терминомъ, земскіе бояре) и княжеская дружина. Процессъ феодализаціи влечетъ за собою уничтоженіе двухъ первыхъ учрежденій и созданіе по образцу третьяго изъ нихъ новаго института—вассалитета. Совершенно аналогичное явленіе и въ той же послѣдовательности развитіе замѣчается на Руси въ ея до-удѣльный и удѣльный періоды. Параллелизмъ въ первомъ періодѣ находится и у другихъ изслѣдователей внѣ всякаго сомнѣнія. Необходимо поэтому только указать, что говоритъ Н. П. Павловъ-Сильванскій о второмъ. И въ немъ онъ ясно и доказательно обнаруживаетъ тотъ же параллелизмъ. Вассалитету вполнѣ соотвѣтствуетъ наша боярская служба удѣльнаго времени, выросшая такъ же, какъ и онъ, изъ службы дружинной. Замѣчается полное тожество правъ и обязанностей между вассаломъ и сюзереномъ, съ одной стороны, и вольнымъ слугой — бояриномъ и княземъ, съ другой стороны. Есть тамъ и тутъ различіе военной и придворно-гражданской службы, и личный характеръ вассально-служебной зависимости, и вольность самой службы съ пресловутымъ правомъ отъѣзда, и матеріальная помощь и общее покровительство сюзерена вассалу, и вы-

---

[1]) См. *Феодальныя отношенія*, стр. 3, 28 и 50.

Digitized by Google

текающая отсюда судебная привилегированность вассала, и даже наличность arrière-вассаловъ и субинфеодаціи. О послѣдней свидѣтельствуютъ: памятное мѣсто начальной лѣтописи объ „отрокахъ Свѣнельжихъ“, извѣстная статья Русской Правды о „боярстѣй дружинѣ“ и, главное, убѣдительныя указанія источниковъ XV—XVI столѣтій на существованіе „боярскихъ служилыхъ людей“, которые по своимъ именамъ и по размѣрамъ данныхъ имъ боярщинокъ несомнѣнно являются не холопами, но свободными arrière-вассалами.

Правильность ученія Н. П. Павлова-Сильванскаго о русскомъ вассалитетѣ не можетъ возбуждать никакихъ принципіальныхъ сомнѣній, потому что весь фактическій матеріалъ, изъ котораго оно возведено, давно извѣстенъ и разработанъ. Только преобладающее большинство прежнихъ изслѣдователей не рѣшались по разнымъ причинамъ придать ему конструкцію, единственно ему, скажемъ, соотвѣтствующую [1]). Нашъ авторъ сдѣлалъ это, вполнѣ раціонально отбросивъ неосновательную и излишнюю скрупулезность. Ему удалось даже остроумно подмѣтить тожество символическихъ обрядностей вассальной коммендаціи и челобитья, которымъ приказывались наши бояре въ службу князьямъ [2]).

Ленное землевладѣніе проявлялось на западѣ въ двухъ равноправныхъ формахъ: жалованнаго лена и коммендированнаго въ ленъ аллода. Тѣ же формы находитъ Н. П. Павловъ-Сильванскій въ удѣльной Руси. Это, съ одной стороны,—земельныя пожалованія, которыми надѣлялась состоящая изъ лицъ высшаго сословія часть такъ называемыхъ слугъ подъ дворскимъ, и служнія земли вообще; съ другой стороны, вотчины, съ которыми бояре били князьямъ челомъ на службу и отѣзжали со службы, и которыя князья „даромъ пріимали“.

---

[1]) Лишь въ самое послѣднее время и уже послѣ работъ Н. П. Павлова-Сильванскаго *проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ* призналъ наличность „признаковъ феодализма“ въ архіерейскихъ дѣтяхъ боярскихъ и знакомцахъ. См. объ этомъ *Феодальныя отношенія*, стр. 26.

[2]) *Феодальныя отношенія*, стр. 17—18.

Digitized by Google

Слѣдуетъ только замѣтить, что первая форма леннаго землевладѣнія была мало развита въ удѣльной Руси, и преобладала вторая форма.

Равное съ земельнымъ пожалованіемъ значеніе имѣло на западѣ предоставленіе въ ленъ должности, что порождало особый институтъ, выражаемый французскимъ терминомъ—fief-office, который покрываетъ собою нѣмецкіе: Gerichtslehn, Fürstenlehn *v* Fahnlehn, и Burglehn. Этому институту вполнѣ соотвѣтствуютъ наши кормленія, имѣвшія въ удѣльной Руси безусловно тоже значеніе.

Раздробленіе суверенной власти несомнѣнно существовало въ удѣльной Руси, но только не въ столь однообразномъ видѣ какъ на западѣ, гдѣ всякій феодалъ былъ полу-суверереномъ. У насъ власть дробилась не только по полу-суверереннымъ владѣніямъ, но и по владѣніямъ иммунитетнымъ, не доразвившимся до державнаго полу-суверенитета. Первыя находились въ рукахъ удѣльныхъ князей [1]), вторыя—въ рукахъ бояръ. Послѣднія не доразвились потому, что на Руси,—мы уже отмѣтили выше этотъ взглядъ нашего автора,—„окняженье“ земли предупредило ея „обояренье“. Феодалами въ полномъ смыслѣ были у насъ мелкіе князья и „княжата“, которые въ миньятюрѣ отправляли всѣ функціи суверенной власти, такъ что даже чеканили свою монету, въ видѣ какихъ нибудь городенскихъ или городецкихъ денегъ.

Выяснивъ тожество скелетовъ феодальныхъ отношеній на западѣ и на Руси, Н. П. Павловъ-Сильванскій задается вопросомъ, былъ ли тожественъ духъ, оживлявшій феодальныя учрежденія и тамъ, и здѣсь [2]). Этотъ вопросъ объ общемъ ду-

---

[1]) Здѣсь авторъ имѣетъ въ виду позднѣйшее дробленіе княжествъ въ XIV—XV вѣкахъ; первоначальные дѣлежи XIII в. и болѣе ранніе раздѣлы до-удѣльнаго періода не имѣли феодальнаго характера и представляли собою обычное въ древнее время раздѣленіе единаго государства на нѣсколько простыхъ и самостоятельныхъ государствъ. См. *Феодальныя отношенія*, стр. 52—53.

[2]) См. *Феодальныя отношенія*, стр. 59—66.

Digitized by Google

хѣ расчленяется авторомъ на два частныхъ вопроса: о духѣ свободы и независимости, и о воинственномъ духѣ феодаловъ. Первый констатируется авторомъ въ пресловутомъ правѣ отъѣзда и подтверждается приведенной въ другомъ мѣстѣ ссылкой на Б. Н. Чичерина, усмотрѣвшаго еще раньше не только крайнюю свободу и независимость въ удѣльной Руси, но и непомѣрное, сравнительно съ романо-германскимъ западомъ, шатаніе въ ней общественныхъ элементовъ. Что же касается воинственнаго духа, то, имѣя въ виду отсутствіе у насъ средневѣковаго рыцарства, Н. П. Павловъ-Сильванскій указываетъ на преувеличенность обычнаго представленія о воинственности феодаловъ, которые въ дѣйствительности были не только ищущими войны рыцарями, но и сельскими хозяевами, такими же неохотниками надолго отлучаться отъ своихъ домовъ, какъ и наши помѣщики. Въ помощь нашему автору въ данномъ случаѣ мы можемъ привести уже отмѣченный нами выше [1]) выводъ Фюстель-де-Кулянжа, согласно которому воинственная организація не составляетъ существа феодализма. Изъ феодальнаго духа свободы и независимости вытекали печальныя явленія насилія и самоуправства, которые Н. П Павловъ-Сильванскій отмѣчаетъ у насъ такъ-же, какъ и на западѣ. Если ужъ для констатированія феодализма на Руси необходимо доказать существованіе насилія и самоуправства, то такихъ доказательствъ у насъ можно отыскать даже больше, чѣмъ нужно. Достаточно указать на то, что „феодальныя" насилія и самоуправства оставили послѣ себя глубокіе слѣды, такъ что даже въ Москвѣ существовалъ особый приказъ, *что на сильныхъ людей бьютъ челомъ* [2]).

---

[1]) См. *выше* стр. 10, nota 1-а.

[2]) См. *Д. М. Мейчика*, Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія, въ *Сборн. Археол. Института*, кн. III, 1880 г., стр. 93.—Замѣтимъ кстати отъ себя, что постановленіе Уложенія,—„*А будетъ такой убійца* (убившій на судѣ противную сторону) *съ суда уйдетъ и учинится силенъ поимати себя не дастъ, и такова, гдѣ ни буди, поимавъ по тому же казнити смертью*" (Улож. X, 105),—можно, пожалуй, разсматривать, какъ направленное противъ преступныхъ переживаній феодальной анархіи.

Digitized by Google

Таковы параллели, проводимыя Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ между феодальными отношеніями на западѣ и на Руси. Отмѣченный параллелизмъ авторъ доводить до полнаго тожества, внѣшнимъ выраженіемъ котораго можетъ служить рядъ подчеркнутыхъ имъ словесныхъ совпаденій въ соотвѣтственной юридической терминологіи, западной и русской [1]). Рѣшительно высказываясь въ пользу тожества, Н. П. Павловъ-Сильванскій видитъ между политическимъ строемъ средневѣковаго запада и удѣльной Руси только одно важное различіе, которое не касается, однако, существа феодальныхъ отношеній и относится исключительно къ степени интенсивности ихъ проявленія. Эта степень была у насъ, по мнѣнію автора, слабѣе, чѣмъ на западѣ. Вслѣдствіе этого вмѣсто „обоярения" земли на западный ладъ у насъ было своеобразное ея „окняженье", и сами наши удѣльные князья и „княжата" были несравненно слабѣе западныхъ феодаловъ. Основная причина меньшей интенсивности проявленія феодализма на Руси сводится Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ къ отсутствію у насъ въ удѣльный періодъ крѣпостного права [2]).

---

[1]) См. *Иммунитетъ* стр. 19—20; *Феодальныя отношенія*, стр. 5, 10, 18, 34. Эти совпаденія авторъ соединяетъ и обобщаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ нашихъ грамотахъ встрѣчаются фразы, представляющія собою какъ бы буквальный переводъ соотвѣтствующихъ латинскихъ текстовъ. Для важнѣйшихъ феодальныхъ учрежденій въ русской древности были спеціальные термины, точно соотвѣтствующіе западно-европейскимъ. Коммендаты назывались у насъ *закладнями*; для обозначенія феодальной коммендаціи употреблялись слова задаваться—закладываться. Русскій дружинникъ, какъ и германскій, назывался мужемъ; бояринъ же, такъ же какъ вассалъ,—*слугою* господина великаго князя. Для обозначенія бенефиція у насъ было спеціальное слово—*жалованіе*; это слово у насъ имѣло столь же широкое распространеніе, какъ на западѣ слова бенефицій и ленъ. Жалованьемъ называется и земля, пожалованная въ условное владѣніе (помѣстье), и должность, и иммунитетныя льготы. Села и волости у насъ, такъ же какъ на западѣ, даются „въ жалованье"—in beneficium".—*Феодальныя отношенія*, стр. 58—59.

[2]) *Ibidem*, стр. 66—67.

Digitized by Google

III.

Не станемъ входить въ подробный разборъ всей документальной аргументаціи Н. П. Павлова-Сильванскаго: для насъ она представляется достаточно убѣдительной. Нельзя не признать, что авторъ умѣетъ пользоваться фактами: онъ весьма искусно заставляетъ ихъ говорить и быть краснорѣчивыми.

Наиболѣе распространеннымъ въ наукѣ русской исторіи вообще и исторіи русскаго права въ частности является упрекъ изслѣдователей въ идейной предвзятости, въ томъ, что они приступаютъ къ изученію съ заранѣе припасенной гипотезой и силятся во что бы то ни стало доказать и оправдать ее фактами. Такой упрекъ дѣлали въ свое время Б. Н. Чичерину по поводу его ученія о русскомъ феодализмѣ; тотъ же стереотипный упрекъ, можно ожидать, сдѣлаютъ и новѣйшему ученію о феодализмѣ удѣльной Руси. По нашему крайнему разумѣнію, въ послѣднемъ нѣтъ преднамѣренныхъ натяжекъ фактовъ и насильнаго подведенія ихъ подъ предвзятую идею. Несомнѣнно однако, что, какъ видно даже изъ порядка изложенія нашего автора, гипотеза у него предшествуетъ фактическому изученію. Но такой порядокъ идей и фактовъ является общимъ достояніемъ всякаго изученія [1]), въ томъ числѣ и строго положительнаго [2]). Примѣнительно къ научной разра-

---

[1]) Не можемъ не привести по этому поводу характернаго заявленія Монтескье въ предисловіи къ L'esprit des lois: „J'ai bien des fois commencé et bien des fois abandonné cet ouvrage; j'ai mille fois abandonné aux vents les feuilles que j'avois écrites; je sentois tous les jours les mains paternelles tomber; je suivois mon objet sans former le dessein; je ne connoissais ni les règles ni les exceptions; je ne trouvois la vérité que pour la perdre; *mais quand j'ai découvert mes principes, tout ce que je cherchois est venu à moi;* et, dans le cours de vingt années, *j'ai vu mon ouvrage commencer, croître, s'avancer et finir*".

[2]) Объ этомъ см. оригинальныя, интересныя и въ высшей степени поучительныя статьи *В. И. Герье*: „О. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ, *Вопросы Философіи и Психологіи*, кн. 42, 43, 44 и 45 (за 1898 и 1899 годы).

Digitized by Google

боткѣ исторіи русскаго права сошлемся въ этомъ отношеніи на мнѣніе нашего выдающагося государствовѣда — покойнаго А. Д. Градовскаго, высказанное въ одномъ изъ его историко-юридическихъ изслѣдованій. „Если опасно“, говоритъ А. Д. Градовскій, „приступать къ фактамъ съ предвзятыми идеями, съ непремѣннымъ намѣреніемъ найти въ нихъ то или другое, то еще хуже, когда изслѣдователь ничего не ищетъ въ изслѣдуемыхъ фактахъ, когда нѣтъ у него вопросовъ, разрѣшенія которыхъ онъ бы ждалъ отъ нихъ. Дурно подсказывать отвѣты, но еще хуже не имѣть никакихъ вопросовъ для разрѣшенія. Работа, не имѣющая такой опредѣленной цѣли, можетъ остаться безплодною, хотя бы окончилась накопленіемъ громады матеріаловъ“ [1]).

Гипотеза должна быть, и всегда предшествуетъ подробному фактическому изслѣдованію. Она тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ болѣе объемлетъ собою фактовъ, разсматриваемыхъ сначала въ общихъ контурахъ. Шансы ея достовѣрности непомѣрно возрастаютъ въ томъ случаѣ, если она предварительно оправдана другими, аналогичными фактами, и новые факты, къ которымъ ее примѣняютъ, не противорѣчатъ ей принципіально, но лишь подтверждаютъ еще въ одномъ новомъ сочетаніи дѣйствіе общаго закона. Именно въ такомъ положеніи находится вопросъ о феодализмѣ удѣльной Руси, такъ какъ уже доказано, что феодализація недвижимой собственности и вслѣдъ за нею власти составляетъ необходимое звено въ цѣпи экономическаго, а за нимъ и политическаго развитія Европы [2]). Въ силу этого одна лишь наиболѣе общая и, полагаемъ, безспорно вполнѣ научная идея единообразія законовъ соціальнаго развитія могла дать достаточное основаніе къ предположенію о существованіи феодализма въ Россіи въ извѣстную, соот-

---

[1]) *А. Д. Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, томъ I, Спб., 1868 г., Введеніе, стр. IV.

[2]) См. *М. М. Ковалевскаго*, Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства, Томъ I, Москва, 1899 г., Предисловіе и стр. 377—712.

Digitized by Google

вѣтственную эпоху. Однообразіе можно предполагать, и для періодовъ, небогатыхъ историческими источниками, можно довольствоваться скудными прямыми и даже косвенными его доказательствами; напротивъ того, своеобразіе, всяческую самобытность, столь у насъ излюбленную, необходимо доказать прямо и полностью [1]).

Мы думаемъ, что на основаніи скудныхъ историческихъ источниковъ, имѣющихся объ удѣльномъ періодѣ, Н. П. Павлову-Сильванскому удалось дать вполнѣ научное объясненіе и конструкцію многихъ отношеній и институтовъ древне-русской жизни въ этомъ періодѣ, каковы: закладничество, иммунитетъ, вассальная служба бояръ, отношенія по землевладѣнію.

Но на вопросъ о томъ, доказано ли Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ историческое существованіе въ Россіи феодализма, мы, не смотря на заявленіе автора о полномъ развитіи послѣдняго въ XIV—XV вѣкахъ [2]), не можемъ дать прямого утвердительнаго отвѣта. Необходимо сдѣлать по этому вопросу нѣкоторыя, довольно существенныя оговорки. Оговорки эти заключаются въ указаніи того, что еще и какъ необ-

---

[1]) Повидимому, обратнаго и, думаемъ, неправильнаго мнѣнія придерживается одинъ изъ критиковъ Н. П. Павлова-Сильванскаго, г. *В. Голиковъ*. По поводу ученія о томъ, что закладничество не есть отношеніе по займу, г. Голиковъ говоритъ: „Есть много мѣстъ въ источникахъ, дающихъ поводъ думать такимъ образомъ. Но нѣтъ, однако, прямыхъ и вѣскихъ указаній на то, что это иное отношеніе было отношеніемъ патроната. И именно закладничество, какъ патронатъ, является лишь гипотезой, правда очень ловкой, много объясняющей, - но въ сущности, основанной всего болѣе на филологическомъ толкованіи и сближеніи словъ „закладчикъ“ и „закладываться“,— сближеніи, можетъ быть, и не совсѣмъ вѣрномъ. (*Журн. Юридич. Общ. при Спб. Учив.*, 1897 г., кн. X, Критика и библіографія, стр. 10). Замѣтимъ, кстати, что филологическія толкованія и сближенія были подкрѣплены затѣмъ у Н. П. Павлова-Сильванскаго еще новыми и цѣнными доказательствами,—см. *Иммунитетъ* etc., стр. 3, подстрочн. примѣч.

[2]) См. *Феодальныя отношенія*, стр. 36.

Digitized by Google

ходимо изслѣдовать и изучить для болѣе или менѣе окончательнаго разрѣшенія вопроса, постановку и начальную разработку котораго нашимъ авторомъ нельзя не признать удачной.

Въ установленіи вѣхъ дальнѣйшаго изслѣдованія намъ прежде всего приходится сослаться на самого Н. П. Павлова-Сильванскаго, который въ послѣднемъ своемъ трудѣ заявилъ, что его ближайшая работа будетъ посвящена вопросу о хозяйственной жизни удѣльной Руси [1]). Такого рѣшенія автора нельзя не привѣтствовать. До сихъ поръ онъ изучилъ юридическую сторону подлежащихъ изслѣдованію отношеній и далъ намъ, по собственному его выраженію, ихъ „скелетъ"; къ этому авторъ прибавилъ разсужденіе о „духѣ", оживлявшемъ „скелетъ". Само собою понятно, что никакой живой организмъ не можетъ состоять изъ одного скелета, и въ свою очередь духъ не можетъ обитать въ скелетѣ и оживлять его. Прежде чѣмъ говорить о духѣ слѣдовало облечь скелетъ въ плоть и насытить ее кровью. Такое полное воплощеніе можетъ дать политическому учрежденію только изученіе экономической почвы, его питающей и возращающей. И строго говоря, только экономическое обоснованіе дастъ поднятому вопросу солидное и непоколебимое разрѣшеніе.

Въ дѣлѣ экономическаго изслѣдованія наиболѣе видное мѣсто должно быть отведено изученію вотчиннаго хозяйства и управленія, какъ того фундамента, на которомъ повсюду созидался феодализмъ. Нѣтъ феодализма безъ феодаловъ, но нѣтъ феодаловъ безъ вотчины, самостоятельной въ хозяйственномъ и административно-политическомъ отношеніи.

Выясненіе вотчиннаго хозяйства и управленія прольетъ свѣтъ на крайне важное для феодализма начало сословности. Всѣ тѣ, кто входилъ въ кругъ вотчиннаго управленія, были людьми несвободными или полу-свободными, зависимыми, и подчинялись праву вотчинному, или доменіальному. Только за предѣлами вотчиннаго управленія, выше его стояли вполнѣ

---

[1]) Объ этомъ см. *выше* стр. 14—15.

Digitized by Google

свободные мужи, жившіе по феодальному праву [1]). Сословныя различія, разъ идетъ рѣчь о феодализмѣ, должны быть тщательно выяснены. Нашъ авторъ не поднимаетъ этого вопроса, хотя и подходитъ къ нему въ своемъ ученіи о закладняхъ [2]).

Въ связи съ умолчаніемъ о сословности [3]) находится общій недостатокъ изслѣдованій нашего автора, заключающійся въ томъ, что, построивъ всѣ свои выводы на сравненіи, онъ не выдерживаетъ въ немъ строго начала историзма. Это проявляется въ томъ, что весь удѣльный періодъ, въ которомъ самъ авторъ видитъ не только начатки, но и полное развитіе феодализма, онъ иногда сравниваетъ со временемъ одного лишь зарожденія и самаго ранняго развитія феодализма на западѣ. Такъ, напримѣръ, русскій иммунитетъ XIV столѣтія Н. П Павловъ-Сильванскій почему то сравниваетъ съ иммунитетомъ времени меровинговъ, а ограниченія его, послѣдовавшія на Руси въ XV—XVI вѣкахъ, уподобляетъ ограниченіямъ, произведеннымъ Карломъ Великимъ [4]). Послѣдняго въ одномъ мѣстѣ нашъ авторъ сравниваетъ съ Іоанномъ Грознымъ, причемъ этимъ самъ себѣ противорѣчитъ. Въ борьбѣ Грознаго, направленной на искорененіе феодализма, Н. П. Павловъ Сильванскій видитъ полную аналогію съ такой же борьбою, которую велъ Людовикъ XI [5]); между тѣмъ произведенное Іоанномъ Грознымъ закрѣпощеніе дворянъ въ военную службу сравниваетъ съ мѣропріятіями Карла Великаго о такъ называемомъ heribannus [6]). Такія сравненія являются крайне

---

[1]) См. по этому поводу характерную цитату изъ Лампрехта, приведенную нами выше на стр. 6-ой nota 1-а и nota 2-а.

[2]) „Переходамъ *бояръ и слугъ*“, говоритъ Н. П. Павловъ-Сильванскій, „соотвѣтствуетъ закладничество *другихъ землевладѣльцевъ*“, см. *Записки Имп. Русск. Археолог. Общ. томъ IX, вып. 1—2*, стр. 229. Здѣсь чувствуется сословное различіе; см. *выше* стр. 13 nota 1-а.

[3]) Объ этой связи сказано уже *выше*, см. стр. 13.

[4]) См. *Иммунитетъ etc.*, стр. 14—15.

[5]) *Феодальныя отношенія*, стр. 68.

[6]) *Ibidem*, стр. 29.

Digitized by Google

неудачными, особенно, если принять въ соображеніе то, что феодальный строй возникъ на развалинахъ монархіи Карла Великаго, вполнѣ централизованной, и распавшейся въ силу несоотвѣтствія ея соціальнымъ и культурнымъ условіямъ времени и мѣста [1]).

---

[1]) „Karl der Grosse erschuf an seinem Hofe durch Herbeirufung von Persönlichkeiten vornehmlich aus Italien und Irland-England, welche ganz unter den gerade in diesen Ländern fast nie unterbrochenen Traditionen römischer Kultur standen, eine erste lokal auf den Hof und einige Klöster beschränkte Renaissance, und indem er sich mit den politischen Idealen dieser Renaissance erfüllte und den fränkischen Verwaltungsapparat für ihre Verwirklichung innerhalb der zumeist massvoll beachteten Schranken der Möglichkeit in Anspruch nahm, wurde er der Schöpfer des karolingischen Universalstaates. Indes die karolingische Renaissance stand in keinem Verhältniss zu dem allgemeinen Kulturgrad der karolingischen Staatsunterthanen, sie war hypertrophisch und gekünstelt; und wie sie es war, so war es der Staat, dessen beste Ziele ihrem Ideenkreise entstammten. Erst im 14. und 15. Jahrh. reiften die aus dem Boden des alten Karolingerreichs entsprossenen Nationen einer spontanen und naturgemässen Renaissance entgegen; erst ist kein Zufall, wenn Karl der Grosse bis in 16. Jh. als das unerreichbare Ideal monarchischer Thätigkeit galt. So musste der fränkische Verwaltungsorganismus, in welchem sich zugleich die einheitliche Verfassung des Reiches verkörperte, nicht zum geringsten eben an der Ausdehnung seiner Funktionen, wie sie die erweiterten Zwecke des Karolingerstaates forderten, zu Grunde gehen; daher der rasche Verfall der unter Karl dem Grossen scheinbar so glänzend entwickelten Institutionen. Das deutsche Reich speciell nahm aus dem Zusammenbruch des Universalstaates nur Trümmer der alten Einrichtungen herüber, deren Benutzung neben der Inanspruchnahme neuer Elemente nie zu Errichtung eines wahren Staatsgebäudes geführt hat..... Allein während der universale Staat zerfiel, der nationale sich nicht recht zu bilden vermochte, entsprangen den einzelnen Theilen und Gliedern des Staatsgebietes, welche von Centrum her noch geringe Lebensenergie empfingen, die Quellen eigner pseudostaatlicher Kräfte. Das Insstitut, in welchem diese Kräfte sich sammelten, war die Grundherrschaft: die Grundherrschaft wurde nach der Abdankung des Staates neben den alten autonomen Verbänden das einzige antoritäre Institut des platten Landes und anfangs auch der städtischen Entwicklung. Als solchem stand ihr bei dem stets zunehmenden

Digitized by Google

Особое предрасположеніе нашего автора къ эпохѣ образованія и начальнаго развитія феодализма на западѣ выражается также въ томъ, что русскія служнія земли даже XV вѣка приравниваются имъ къ западному бенефицію [1]); между тѣмъ XV вѣкъ это время полнаго развитія феодализма на Руси, и ему, значитъ, можетъ соотвѣтствовать на западѣ вѣкъ XIII-й, когда уже исчезъ институтъ бенефиціевъ, замѣненныхъ ленами [2]), подъ которыми нельзя понимать, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ, однихъ лишь „вотчинныхъ феодовъ, —

Verfall der allgemeinen nationalen Verfassung eine grosse Zukunft bevor. Bald erhoben sich grössere Grundherrschaften im Wettbewerb mit vielen anderen kleineren zu besonderer Bedeutung; sie wurden die Krystallisationskerne fürstlicher Territorien, die Grundlage einer ersten Territorialverwaltung und damit die Basis zur Entwicklung einer eigenständigen Fürstenmacht, welche schliesslich im System der absoluten Monarchie einen Endausdruck gewann. Der mittelalterliche Staat versank, aus der Wurzel namentlich der Grundherrschaft erhob sich unter Abstreifung aller ursprünglich privatrechtlichen Beziehungen der moderne Staat".—*Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, I. Band, Leipzig, 1886, S. 668—669.

Некстати сопоставленныя съ политикой Іоанна Грознаго мѣропріятія Карла Великаго относительно heribannus вообще не имѣютъ того значенія, какое приписываетъ имъ Н. П. Павловъ-Сильванскій. „Die Wehrpflicht", говоритъ проф. Р. Шредеръ, „gestaltete sich im fränkischen Reiche schon früh zu einer allgemeinen staatlichen Unterthanenpflicht..... In dieser Beziehung *bestand zwischen der Zeit der Merovinger und der Karolinger kein Unterschied*" (*Richard Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 3. Aufl., Leipzig, 1898, S. 151). Самое соединеніе вассалитета съ бенефиціатомъ закончилось только къ половинѣ IX вѣка (см. ibidem, S. 163), такъ что вопросъ о „нѣтяхъ" помѣщиковъ не могъ возникнуть при Карлѣ Великомъ, мѣропріятія котораго имѣли въ виду просто нарушеніе въ военномъ дѣлѣ клятвы вѣрности, которую давали при Карлѣ всѣ свободные, возобновляя ее каждые двѣнадцать лѣтъ.

[1]) *Феодальныя отношенія*, стр. 32—33.

[2]) См. *C. G. Homeyer*, Sachsenspiegel, II. Theil., Berlin, 1844, S. 274; *G. Waitz*, Deutsche Verfassugsgeschichte, VI. Bd., 1875. S. 7; *R. Schröder*, op. cit., S. 393—394.

Digitized by Google

принадлежавшихъ лицу на *правѣ собственности*" [1]). Такое утвержденіе автора невѣрно, потому что, съ одной стороны, моментъ жалованія никогда не исчезалъ изъ числа производящихъ ленныя отношенія фактовъ [2]); съ другой стороны, ленное право на землю никогда не простиралось далѣе *gewere*, существенно отличнаго отъ *eigen*, подъ которымъ понималась собственность [3]). При такомъ положеніи дѣла вопросъ о малой распространенности у насъ служнихъ земель нуждается въ болѣе тщательномъ, чѣмъ у нашего автора, обсужденіи.

Сосредоточеніе вниманія на ранней эпохѣ западнаго феодализма вызвало у нашего автора, какъ мы уже неоднократно указывали, умолчаніе о сословности. Между тѣмъ именно началомъ сословности опредѣлялась въ феодальномъ строѣ правоспособность лица къ ленному землевладѣнію. Это общее положеніе привело къ подробной регламентаціи „равнородности" и къ установленію съ этой цѣлью замкнутой іерархіи такъ называемыхъ „войсковыхъ щитовъ" (Heerschilde), въ которой нашла себѣ отраженіе фактическая лѣствица феодальныхъ отношеній [4]). Нашъ авторъ проходитъ этотъ важный институтъ

---

[1]) *Феодальныя отношенія*, стр. 56.

[2]) „Danach (sc. nach Geschichtsquellen und Urkunden) war es der Ausgang einer Fehde, der Wunsch verschiedene Ansprüche auf ein Gut auszugleichen, die Sorge für das Seelenheil, Geldverlegenheit, *Dankbarkeit für geleistete Dienste*, *reine Freigebigkeit*, Streben nach Anhang, oder nach Schutz, oder ein sonstiger politischer Zweck, was den Mann zum Hingeben der Person, den Herrn zur Schmälerung des Rechts am Gute, oder zu einem Austausche zwischen beiden Opfern führte",—*C. G. Homeyer*, Sachsenspiegel, II. Theil, 1844., S. 314.

[3]) *Ibidem*, S. 394: „*Gewere* bezeichnet gleich *possessio* und Besitz theils das thatsächliche des Besitzes, theils das Besitzrecht".

[4]) „Das allgemeine Erforderniss zur Lehnsfähigkeit ist der Schild, bestimmter *clypeus regalis*, der Heerschild..... ein Recht, welches die Person hat, entbehrt, verliert, nemlich das vollkommene Kriegerrecht, symbolisiert durch die den einzelnen am sichersten auszeichnende Waffe, den Schild..... In dieser Abhängigkeit des Lehnrechts vom Schilde ist die Bestimmung des Lehnwesens ausgesprochen; der Mann soll dem

Digitized by Google

молчаніемъ, хотя останавливается по временамъ на явленіяхъ несравненно меньшаго значенія, какова, напримѣръ, обсуждаемая имъ наличность родовыхъ прозваній по названіямъ владѣній [1]).

Своеобразная военная организація была, какъ мы уже отмѣтили, не производящей причиной, но производнымъ отраженіемъ феодализма, и въ частности — феодализаціи поземельнаго владѣнія. Поэтому вопросъ о ней не имѣетъ существеннаго значенія при изученіи происхожденія феодализма. Но при начертаніи полнаго развитія феодальныхъ отношеній, даже ихъ скелета, вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ немалое значеніе. Въ немъ необходимо отмѣтить двѣ существенныя для феодализма стороны: во-первыхъ, отсутствіе непосредственнаго всенароднаго ополченія съ замѣною его военною службою сеніоровъ; во-вторыхъ, вотчинное, если такъ можно выразиться, ополченіе сеніоровъ и подчиненіе послѣднихъ воинскому предводительству ближайшаго сюзерена. Такова была военная организація на западѣ, удачно называемая феодальной милиціей. Приведеніе послѣдней въ дѣйствіе было точно опредѣлено цѣлымъ рядомъ юридическихъ нормъ, направленныхъ не на удовлетвореніе воинствующаго духа, но на обезпеченіе матеріальныхъ интересовъ рыцарей-феодаловъ [2]). Какъ было организовано это дѣло у насъ, нашъ авторъ пока ничего не говоритъ и оставляетъ немаловажный пробѣлъ въ картинѣ феодальныхъ отношеній удѣльной Руси.

Существеннымъ моментомъ въ развитіи феодализма является переходъ отъ феодализаціи недвижимой собственности

Herrn rittermässig dienen, der Herr Ritterdienste begehren können; das Lehnrecht ist nur für *edle* Leute geordnet".—*C. G. Homeyer*, Sachsen, spiegel, II. Theil, Berlin, 1844., S. 289—290. См. также *Richard Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 3-e Aufl., Leipzig, 1898. S. 394—397.

[1]) См. *Феодальныя отношенія*, стр. 73.

[2]) См. *C. G. Homeyer*, Sachsenspiegel, II. Theil, Berlin, 1844., S 376 u. flg., особенно S. 379. *Richard Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 3-e Aufl., Leipzig, 1898., S. 509 u. flg.

Digitized by Google

къ феодализаціи власти. Этотъ переходъ завершился на западѣ къ XIII вѣку и охватилъ собою всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ феодаловъ [1]). У насъ, какъ указываетъ Н. П. Павловъ-Сильванскій, ни одинъ бояринъ-вассалъ не сталъ суверенным, или полу-суверенным владѣтелемъ, и „окняженье" земли предупредило ея „обояренье". Столь важное и многозначительное явленіе русской исторической жизни требуетъ подробнѣйшаго изученія и объясненія его причинъ. Между тѣмъ нашъ авторъ ни того, ни другого не даетъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать солиднымъ научнымъ объясненіемъ ссылку его на „совершенно случайную причину" [2]): она требуетъ еще объясненія [3]), но сама по себѣ ровно ничего не объясняетъ, вовсе не вяжется со всѣмъ ходомъ почтенныхъ изслѣдованій автора и выводитъ на сцену „окняженье" въ

---

[1]) „So ergiebt sich ohne weiteres, dass die Grundherrschaft in ihren ersten Entwicklungsstadien (etwa im 8. bis 11. Jh.) mehr wie später einen wirtschaftlichen, in ihrer späteren Entfaltung schon vor dem Aufbau von Territorialverwaltungen auf ihre hervorragendsten Ausgestaltungen um die Wende des 13. und 14. Jhs. mehr wie früher einen staatlich-rechtlichen Charakter gehabt hat. Die ursprünglich grössere Betonung wirtschaftlicher Interessen und ihr allmähliches Verdrängen aus der Institution zu Gunsten pseudostaatlicher Anschaungen und Forderungen bildet mithin einen ganz wesentlichen, ja den erbeblichsten einheitlichen Gesichtspunkt in der Geschichte der Grundherrschaft überhaupt".—*Karl Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, I. Band, Leipzig, 1886., S. 669.

[2]) Объ этомъ подробно *выше*, см. стр. 21; *Иммунитетъ*, стр. 48; *Феодальныя отношенія*, стр. 52.

[3]) Въ виду того, что на западѣ важнѣйшее въ процессѣ феодализаціи власти значеніе принадлежало институту fief-office, въ частности такъ называемому Burglehn'у (см. объ этомъ *K. Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, I. Bd., 1886, S 1263 u. flg), получаетъ особый интересъ и требуетъ подробнаго разъясненія вопросъ о томъ, почему не „обоярили" земли наши кормленщики. По этому вопросу нашъ авторъ высказывается всколзь и по постороннему поводу. „Въ принципѣ", говоритъ онъ, „я никакъ не буду отрицать возможности превращенія намѣстника—кормленщика въ наслѣд-

Digitized by Google

качествѣ какого-то deus et machina. Представленное въ такомъ видѣ „окняженье“ способно развѣ только подорвать научный авторитетъ полученныхъ отъ изслѣдованія выводовъ и конструкцій. Этотъ пунктъ настоятельно требуетъ коренного пересмотра какъ въ объективныхъ интересахъ науки, такъ и въ субъективныхъ интересахъ автора, котораго нынѣшнее его объясненіе приводитъ въ противорѣчіе съ самимъ собою [1]). Пока указанный вопросъ не выясненъ, ученію автора о феодальныхъ отношеніяхъ удѣльной Руси можно дать лишь частичное признаніе,—въ смыслѣ установленія феодализаціи недвижимой собственности и съ исключеніемъ вопроса о феодализаціи суверенной власти, который остается открытымъ.

Особенно важною для предполагаемой Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ феодализаціи власти на Руси является наличность такъ называемыхъ „княжатъ“ [2]). Къ сожалѣнію, нашъ авторъ ограничивается о нихъ бѣглымъ замѣчаніемъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы дать точную и подробную юридическую конструкцію ихъ положенія и отношенія какъ къ князьямъ, такъ и къ боярамъ [3]). Въ связи съ этимъ стоитъ во-

---

ственнаго иммунитетнаго вотчинника“ (*Иммунитетъ*, стр. 38). Очевидно, что принципіальное не-отрицаніе далеко не достаточно. Поставленный выше вопросъ гораздо шире иммунитета и требуетъ вообще обстоятельнаго, документальнаго выясненія.

[1]) Отправляясь отъ закладничества и иммунитета авторъ, очевидно, строитъ русскій феодализмъ снизу и потомъ самъ себя опровергаетъ признаніемъ факта феодализаціи „сверху“, какъ самъ выражается, см. *Феодальныя отношенія*, стр. 52.

Съ нашей точки зрѣнія „окняженье“ само по себѣ не противорѣчитъ феодализму, особенно, въ виду проводимаго авторомъ различія между болѣе ранними и болѣе поздними удѣлами (см. *Феодальныя отношенія*, стр. 52–53). Но очевидно, что требуется объяснить его, и удовлетворительное объясненіе можетъ быть дано путемъ тщательнаго изученія развитія княжескаго феода параллельно съ феодомъ боярскимъ, и опять таки изученія снизу.

[2]) *Феодальныя отношенія*, стр. 53.

[3]) Нашъ авторъ нерѣдко не договариваетъ до конца и остав-

Digitized by Google

просъ о ленномъ судѣ, какъ объ одномъ изъ основныхъ юридическихъ институтовъ феодализма, который тоже обойденъ у нашего автора молчаніемъ.

На необходимости построенія точныхъ юридическихъ конструкцій въ изученіи феодализма мы настаиваемъ не изъ какого либо профессіональнаго педантизма [1]), но въ силу болѣе

лнетъ безъ отвѣта важные вопросы. Это подмѣтилъ уже г. *В. Голиковъ* въ рецензіи Закладничества. „Возникаетъ", говоритъ г. Голиковъ, „весьма важный вопросъ, совсѣмъ не затронутый изслѣдователемъ: если между закладчикомъ и патрономъ устанавливались извѣстныя отношенія, то какимъ образомъ они закрѣплялись; былъ ли при этомъ какой нибудь формальный договоръ или соглашеніе было безмолвнымъ, tacitus consensus?"—Журн. Юрид. Общ. при Имп. Спб. Унив., 1897 г., кн. X, Критика и библіографія, стр. 10.

[1]) Въ читанной въ нынѣшнемъ году весьма интересной вступительной лекціи *М. В. Довнаръ-Запольскій* выражаетъ нѣкоторый протестъ противъ юридизма нашей исторіографіи. Онъ указываетъ, что юридизмъ этотъ вызванъ вліяніемъ гегельянства, и затѣмъ говоритъ: „Господство въ исторической наукѣ юридическихъ представленій сдѣлало даже то, что исторія превратилась въ право, съ прибавленіемъ біографій, а сама исторія клиномъ вошла въ юриспруденцію". Затѣмъ, сославшись, съ одной стороны, на новыя ученія Лабанда и Іеллинека въ государственномъ правѣ, съ другой стороны—на теорію экономическаго объясненія общественнаго процесса, требуетъ, чтобы наша исторіографія перешла отъ юридизированія къ изученію экономическихъ факторовъ (*М. В. Довнаръ-Запольскій*, Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторіографіи, *Русская Мысль*, 1902 г., Мартъ, стр. 184 и слѣд.).

Вполнѣ соглашаясь съ общимъ взглядомъ уважаемаго историка, считаемъ нужнымъ замѣтить, что и при экономическомъ изученіи исторіи юридизмъ не устраняется. Экономическіе факторы это—почва, на которой выростаютъ политико-правовыя учрежденія; ихъ слѣдуетъ поэтому объяснять экономически, но конструировать можно ихъ только юридически. „Nun wird es sicher keinem modernen Iuristen einfallen, das Verständniss des Rechtes einer bestimmten Epoche aus dem positiven Rechtsstoff allein und nur mit Hilfe formaler juristischer Kategorien zu gewinnen ohne Kenntniss der psychischen und physischen Thatsachen, welche dieses Recht erzeugt haben..... Wenn aber die Materalienarbeit so gründlich als möglich vollbracht ist, so muss in letzter Linie

Digitized by Google

основательной и несомнѣнно важной причины. Дѣло въ томъ, что значеніе феодализма въ исторіи западно-европейской государственности заключается, между прочимъ, и въ его юридизмѣ, если позволено такъ выразиться. Феодализмъ внесъ въ сферу отношеній власти юридическія опредѣленія и рамки, которыя держались затѣмъ въ сословной монархіи, были сломаны монархіей абсолютной и вновь воскресли въ правовомъ государствѣ новѣйшаго времени [1]). Нѣчто подобное замѣчаемъ и на Руси. Боярскія вольности удѣльнаго періода настолько внѣдрились въ правосознаніе, что московскіе великіе князья не въ силахъ были общимъ указомъ устранить это вытекавшее изъ старыхъ вольностей начало связанности власти правомъ. Они ломали его по частямъ и дѣйствовали

---

ihr Ergebniss mittels juristischer Kategorien verarbeitet, juristisch formulirt werden" (*Friedrich Tezner*, Technik und Geist des ständisch-monarchischen Staatsrechts, Leipzig, 1901., S. 99—100).

[1]) Въ этомъ смыслѣ Блюнчли феодальное государство, какъ онъ выражается, считаетъ по преимуществу правовымъ, см. *Блюнчли*. Общее государственное право, русск. перев., томъ I, Москва, 1865—1866 г. г., стр. 327.

Весьма характерно замѣчаніе Моля объ юридической регламентаціи отношеній власти въ средневѣковой Европѣ. „Wenn die Hellenen", говоритъ Моль, „und wenigstens in staatlichen Beziehungen auch die Römer, das Recht nur als eine der Beziehungen des Einzelnen zum nationalen Gemeinleben auffasten; so war jetzt die germanische Persönlichkeit des Rechtes und überhaupt die absolute Bedeutung der Persönlichkeit massgebend; zum Theil ausgebildet in einem den Alten ganz unbekannten, nun aber fast allen menschlichen Verhältnissen aufgezwungenen Rechtsgedanken, dem des Lebens",—*Robert von Mohl*, Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, I. Band, Erlangen, 1855., S. 224.

Отраженіе этого въ абстрактной политической мысли среднихъ вѣковъ отмѣчаетъ Гирке: „Jede Herrsahaft ist daher nicht blos Recht, sondern in erster Linie Pflicht..... Alle Gehorsamspflicht vielmehr erscheint als bedingt durch die Rechtsmässigkeit des Befehles",—*O. Gierke*, Das deutsche Genossenschaftsrecht, III. Band, Berlin, 1881., S. 563, 565.

Digitized by Google

такъ непрестанно, пока ихъ насиліе не превратилось въ обычай и не стало московской стариной, воспитавшей новое правосознаніе [1]).

Въ связи съ неопредѣленностью юридическаго положенія „княжатъ“ и съ умолчаніемъ о ленномъ судѣ находится у Н. П. Павлова-Сильванскаго общая невыясненность іерархіи феодализма. Послѣдняя имѣетъ въ высшей степени существенное значеніе. Строго говоря, на западѣ внѣ іерархіи нѣтъ феодальныхъ отношеній, такъ какъ ленъ, не связанный съ іерархической лѣствицей феодализма, составляетъ исключеніе и занимаетъ положеніе совершенно особое [2]). Къ сожалѣнію, нашъ авторъ по вопросу объ іерархическомъ строеніи русскаго феодализма ограничивается одними лишь случайными указаніями и общимъ не аргументированнымъ замѣчаніемъ. Такъ, нашъ авторъ отмѣчаетъ случай пожалованія бояриномъ иммунитета монастырю [3]), указываетъ существованіе у бояръ arrière—вассаловъ [4]), отмѣчаетъ въ одной уставной грамотѣ XV вѣка случай примѣненія у насъ извѣстнаго на западѣ принципа,-vassalus vassali mei non est meus vassalus [5]),—и на этомъ основаніи дѣлаетъ общій выводъ, будто „получается та же, что и на западѣ, феодальная лѣствица землевладѣльцевъ, связанныхъ вассальною службою“ [6]). Трудно со-

---

[1]) Этотъ характерный и многознаменательный процессъ отмѣченъ *В. И. Сергѣевичемъ*, см. его Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, Спб., 1883 г., стр. 593—594.

[2]) Это такъ называемое Lehn an Eigen. О немъ см. *C. G. Homeyer*, Sachsenspiegel, II. Theil, Berlin, 1844., S. 526. u. flg.

[3]) *Иммунитетъ* etc. стр. 47—48.

[4]) *Феодальныя отношенія*, стр. 19 и слѣд.

[5]) *Ibidem*, стр. 24.

[6]) *Ibidem*, стр. 58: „Служебный князь былъ слугою великаго или удѣльнаго князя—сеньера. Въ свою очередь онъ имѣлъ военныхъ слугъ—вассаловъ въ лицѣ бояръ и дѣтей боярскихъ. Бояринъ, въ свою очередь, имѣлъ своихъ слугъ—мелкихъ помѣщиковъ. Получается таже, что и на западѣ, феодальная лѣствица землевладѣльцевъ, связанныхъ вассальною службою“.

Digitized by Google

гласиться съ тѣмъ, что выводъ достаточно обоснованъ и во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью сказать, что юридическая сторона *іерархически*—феодальныхъ отношеній у нашего автора не выяснена. Разъ не выясненъ вопросъ объ іерархіи, то остается открытымъ и вопросъ о феодализаціи власти, что мы уже съ другой точки зрѣнія отмѣтили выше.

Для выясненія феодальной іерархіи во всѣхъ ея деталяхъ потребуется подробное изученіе феодальныхъ отношеній по отдѣльнымъ русскимъ землямъ. Только при такомъ изученіи могутъ получить удовлетворительное разрѣшеніе и другіе поставленные нами выше вопросы, въ томъ числѣ и „окняженье" земли, которое, быть можетъ, „снизу" поддастся менѣе случайному и болѣе убѣдительному объясненію, чѣмъ „сверху".

Феодализмъ опирается на экономическія отношенія, вытекающія изъ близкаго, сосѣдскаго, такъ сказать, соприкосновенія лицъ и земель, и потому партикуляристическое, областное его изученіе, по самому существу дѣла, плодотворнѣе изученія, отправляющагося отъ крупныхъ центровъ и нивелирующаго всѣ мѣстныя особенности. Покуда вообще вниманіе изслѣдователей привлекали одни общественные верхи, партикуляристическое, областное изученіе феодализма считалось прямо излишнимъ [1]). Заполоненный централизованной государственностью новаго времени прежній историкъ, ничтоже сумняшеся, переносилъ нынѣшнее централизованное однообразіе на далекую старину. Но когда обратились къ изученію въ нѣкоторомъ родѣ всемогущихъ соціальныхъ низовъ, тогда и въ вопросѣ о феодализмѣ централистическое изученіе уступило мѣсто периферическому, областному [2]).

---

[1]) Такъ, по мнѣнію Вайца, въ развитіи германскаго феодализма не играло никакой роли различіе племенъ и провинцій; только Лотарингія представляла нѣкоторыя особенности, и то болѣе въ выраженіяхъ, чѣмъ въ существѣ дѣла. См. *Georg Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, VI. Band, Kiel, 1875. S. 3.

[2]) Сеньобосъ, изучающій феодализмъ снизу, прямо говоритъ: „Chaque province, ou du moins chaque région, réclame une étude à part"

Digitized by Google

Необходимость областного изученія проглядываетъ отчасти и у нашего автора. Не ставя себѣ такой задачи сознательно, онъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ изслѣдованій отмѣчаетъ то ту, то другую особенность отдѣльныхъ земель [1]) и даже общимъ образомъ признаетъ замѣтныя въ области права различія въ учрежденіяхъ княжествъ тверского, рязанскаго и московскаго, не говоря уже о новгородской землѣ [2]).

Въ нашей исторіографіи уже высказывалось мнѣніе о необходимости внести въ изученіе русской исторіи „начало областности" [3]); но послѣднее разсматривалось почти исключительно съ націоналистической точки зрѣнія. Полагаемъ, что

(*Charles Seignobos*, Le régime féodal en Bourgogne, Paris, 1882, p. 363).

Въ послѣднее время К. Лампрехтъ изучаетъ германскую хозяйственную жизнь въ средніе вѣка „auf Grund der Quellen *zunächst des Mosellandes*" (см. полное заглавіе его извѣстнаго, уже цитированнаго нами сочиненія).

[1]) Такъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій указываетъ на особенность компетенціи монастырскаго вотчиннаго суда въ Тверскомъ княжествѣ (см. *Иммунитетъ*, стр. 12—13); отмѣчаетъ случай договорнаго установленія иммунитета въ Ярославскомъ княжествѣ (*ibidem*, стр. 25, nota 1-a) и особенности изложенія тверскихъ иммунитетныхъ грамотъ (*ibidem*, стр. 25); подчеркиваетъ особенности иммунитетныхъ привилегій въ Московскомъ и Рязанскомъ княжествахъ (см. *ibidem*. стр. 30 и 30—31); указываетъ, что наиболѣе раннія ограниченія права отъѣзда бояръ послѣдовали въ Новгородской землѣ (см. *Феодальныя отношенія*, стр. 16; оцѣнку этой особенности Новгородской республики, см. у *В. И. Сергѣевича*, Русскія Юридическія Древности, т. I, Спб., 1890 г., стр. 316); констатируетъ фактъ, что въ Тверскомъ княжествѣ старые феодальные порядки сохранились дольше, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ (см. *Феодальныя отношенія*, стр. 22).

[2]) См. *Феодальныя отношенія*, стр. 60.

[3]) Мнѣніе это принадлежитъ *А. П. Щапову* и было высказано имъ въ его вступительной лекціи, напечатанной въ сборникѣ *Первый шагъ*, Казань, 1876. Свѣдѣнія объ этой лекціи, которой не удалось достать и прочесть, мы заимствуемъ изъ сочиненія *М. Драгоманова*: Историческая Польша и великорусская демократія, Женева, 1881 г.

Digitized by Google

несравненно было бы плодотворнѣе примѣнить „начала областности“ къ соціально-экономическому и соціально-политическому изученію отечественной исторіи.

IV.

Со своимъ ученіемъ о феодальныхъ отношеніяхъ въ удѣльной Руси Н. П. Павловъ-Сильванскій не является безусловнымъ новаторомъ. У него имѣются въ этомъ отношеніи предшественники, и въ ихъ числѣ столь выдающійся ученый государствовѣдъ, какъ Б. Н. Чичеринъ. Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ мысляхъ и ученіи этихъ предшественниковъ, такъ какъ мѣткую ихъ характеристику и въ общемъ правильную оцѣнку далъ самъ Н. П. Павловъ-Сильванскій [1]). Къ сужденіямъ послѣдняго позволимъ себѣ лишь прибавить нѣкоторыя наши незначительныя соображенія.

Неудачу общей параллели, проведенной Б. Н. Чичеринымъ между учрежденіями Руси и феодальнаго запада, нашъ авторъ объясняетъ значительной недостаточностью имѣвшихся въ его распоряженіи наблюденій [2]). Намъ кажется, что причина лежала не только въ скудости матеріала, но и въ самомъ изслѣдователѣ. Б. Н. Чичеринъ вообще относился къ русской политико-правовой старинѣ крайне скептически и, повидимому, глубоко былъ убѣжденъ въ томъ, что „порядка въ ней нѣту“. Ставъ на такую точку зрѣнія, Б. Н. Чичеринъ усмотрѣлъ въ древней Руси одинъ лишь „хаотическій безпорядокъ“ [3]), а въ Московскомъ государствѣ абсолютное ничто-

---

[1]) См. *Феодальныя отношенія*. стр. 76—80.

[2]) *Ibidem*, стр. 79.

[3]) „Въ древней Россіи мы видимъ хаотическій безпорядокъ“, *Б. Н. Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, Москва, 1858 г., стр. 334. Такое положеніе основательно опровергаетъ Н. П. Павловъ-Сильванскій, см. *Феодальныя отношенія*, стр. 12.

Digitized by Google

жество земскихъ соборовъ [1]). Такое скептическое отношеніе къ юридическимъ порядкамъ русской старины и помѣшало тому, чтобы „не ограничиваясь общимъ сравненіемъ существа русскаго и западнаго порядковъ, выяснить тожество ихъ основъ“ [2]). Но и „общее сравненіе существа“ не встрѣтило сочувствія и не получило научнаго признанія: его дискредитировалъ спекулятивный методъ изслѣдователя. Сколько Б. Н. Чичеринъ ни увѣрялъ, что онъ былъ чуждъ предвзятой теоріи, что его выводы основаны на наблюденіи и лишь совпадаютъ „съ умозрительными выводами глубочайшаго мыслителя XIX вѣка“ [3]), эмпиризму убѣжденнаго гегельянца не довѣряли, и паденіе гегелевской философіи похоронило развитую гегельянцемъ теорію русскаго феодализма [4]).

Новѣйшее ученіе Н. П. Павлова-Сильванскаго построено на почвѣ строго положительной и потому ему, быть можетъ, удастся преодолѣть опасеніе предъ такой „необычайной“ вещью, какъ феодализмъ въ Россіи. Но это традиціонное опасеніе все же будетъ не малой преградой для новаго ученія.

Нашъ авторъ остроумно замѣчаетъ, что „среди серіозныхъ историковъ стало считаться непринятымъ разсуждать о феодализмѣ въ Россіи“ [5]). Это—несомнѣнный фактъ и вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ въ высшей степени странный, странный потому, что указанный вопросъ изъятъ изъ научнаго обращенія

---

[1]) *Б. Н. Чичеринъ*, О народномъ представительствѣ, Москва, 1866 г., стр. 380.

[2]) Слова Н. П. Павлова-Сильванскаго, см. *Феодальныя отношенія*, стр. 79.

[3]) *Б. Н. Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, Москва, 1858 г., стр. 375.

[4]) Насколько послѣ разрыва съ гегельянствомъ было сильно недовѣріе ко всему, чтобы ни исходило отъ лица, оставшагося вѣрнымъ философіи Гегеля, можно судить по отзыву, который далъ А. И. Герценъ о Б. Н. Чичеринѣ въ 1857 году, см. *А. И. Герценъ*, Сборникъ посмертныхъ статей. Изданіе дѣтей покойнаго, Женева, 1870 г., стр. 31—38.

[5]) *Иммунитетъ*, стр. 2.

Digitized by Google

до серіознаго его обсужденія. Прибѣгая къ сравненіямъ изъ судебнаго процесса, можно сказать, что вопросъ отвергнутъ не по какому либо достаточному доказательству его несостоятельности, но лишь по формальному отводу. Отыскивая этотъ формальный отводъ, мы не можемъ найти его ни въ чемъ иномъ, какъ только въ печальномъ фактѣ связанности историческаго изслѣдованія права и государства различными „идолами школы". Для исторіи русскаго права важное въ этомъ отношеніи значеніе имѣетъ различіе славянофильства и западничества, старыхъ уже по своему происхожденію, но вѣчно юныхъ по послѣдствіямъ и вліянію [1]).

Рѣзко противоположныя другъ другу по всѣмъ пунктамъ, славянофильство и западничество могутъ сойтись и дѣйствительно сходятся въ одномъ, именно—въ отрицаніи феодализма въ Россіи. Такое странное единодушіе двухъ ярыхъ противниковъ въ данномъ случаѣ объясняется легко. И славянофилы, и западники въ построеніи историческихъ теорій прошлаго руководились политическими соображеніями о цѣлесообразномъ устройствѣ будущаго. Первые полагали его въ самобытности, вторые—въ заимствованіи порядковъ запада. И тѣ, и другіе подкрѣпляли свои воззрѣнія исторіей, которую и разрабатывали соотвѣтственнымъ образомъ, каждый по своему. Славянофилы, изгладивъ изъ своей памяти печальный Петербургскій періодъ, всю предшествовавшую исторію считали вполнѣ самобытной и конечно не допускали въ ней возможности феодализма, какъ такого строя, съ которымъ генетически связывались всѣ западныя новшества. Западники, настаивая на необходимости заимствованія въ настоящемъ, направи-

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ характеризуетъ русскую исторіографію и М. В. Довнаръ-Запольскій, когда говоритъ: „Взгляды Соловьева, Чичерина и Кавелина—съ одной стороны, и взгляды Костомарова—съ другой, опредѣляли работу русской исторической мысли и могутъ быть признаны господствующими и въ настоящее время". См. *М. В. Довнаръ-Запольскій*, Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторіографіи, *Русская Мысль*, 1902 г., Мартъ, стр. 183.

Digitized by Google

ли всѣ свои усилія на доказательство несостоятельности нашего прошлаго, и потому тоже исключали изъ него феодализмъ, какъ отдаленный источникъ современнаго западнаго строя. Гдѣ нѣтъ соотвѣтственныхъ ростковъ и плодовъ, очевидно разсуждали они, тамъ никогда не могло быть и соотвѣтственныхъ корней. Въ виду такого единодушія двухъ діаметрально противоположныхъ направленій вопросъ о феодализмѣ въ Россіи могъ считаться какъ бы „объективно" опровергнутымъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что представители теченія, пытавшагося примирить и объединить оба направленія, обходятъ этотъ вопросъ молчаніемъ. Такъ поступалъ А. Д. Градовскій, когда ему приходилось высказываться о государственномъ строѣ древней Россіи. А. Л. Блокъ, развивая въ одномъ изъ своихъ сочиненій „примирительное направленіе" своего учителя А. Д. Градовскаго и защищая наше историческое прошлое отъ крайнихъ взглядовъ какъ славянофиловъ, такъ и западниковъ, останавливается на томъ, что наша „удѣльная система не успѣла образовать феодальное господство" [1]).

Мы вовсе не утверждаемъ, что научные изслѣдователи исторіи Россіи вообще и исторіи русскаго права въ частности непосредственно подчинялись схемѣ славянофильства либо западничества. Нѣтъ, мы только старались показать, что подъ вліяніемъ этихъ двухъ направленій сложилась извѣстнаго рода условность, въ силу которой не принято даже говорить о феодализмѣ въ Россіи [2]).

---

[1]) *А. Л. Блокъ*, Политическая литература въ Россіи и о Россіи, Варшава, 1884 г., стр. 48.

[2]) Въ устной бесѣдѣ намъ пришлось слышать слѣдующаго рода возраженіе противъ существованія феодализма въ Россіи. Феодализмъ, говорили намъ, обнималъ собою на западѣ не только систему извѣстныхъ соціальныхъ и политическихъ учрежденій, но и цѣлое стройное міровоззрѣніе, въ которомъ важнѣйшее значеніе принадлежало теократическимъ идеямъ средневѣковаго католицизма. Оторванныя отъ этого міровоззрѣнія, феодальныя отношенія могутъ быть отмѣчаемы повсюду, даже въ Японіи, но они ни въ коемъ случаѣ не

Digitized by Google

Эту условность пора уже устранить, и путь для устраненія ея уже намѣченъ. Онъ заключается въ объективномъ, чуждомъ предвзятой цѣли примѣненіи къ изученію удѣльнаго періода сравнительно-историческаго метода [1]). Приложеніе это-

---

составляютъ феодализма въ настоящемъ и полномъ смыслѣ этого слова, какъ онъ развился на западѣ Европы. Не было поэтому феодализма и на Руси, гдѣ весь укладъ духовно-культурной жизни былъ совершенно иной, чѣмъ на западѣ. Съ приведеннымъ мнѣніемъ можно согласиться лишь постольку, поскольку оно констатируетъ несомнѣнный фактъ; но съ оцѣнкою этого факта и съ построеннымъ на немъ обобщеніемъ согласиться, полагаемъ мы, нельзя. Самый фактъ заключается въ несомнѣнной идейной связи, существовавшей на западѣ Европы въ средніе вѣка между феодальной и теократической іерархіей. „Die eigentlich mittelalterliche Lehre", говоритъ знатокъ ея Гирке, „sieht in jeder Herrschaft ein *von Gott stammendes persönliches Amt*" (Das deutsche Genossenschaftsrecht, III. Band, S. 562). Вслѣдствіе этого феодальная іерархія, восходившая по щитамъ до короля и императора, по мечамъ включала въ свою лѣствицу намѣстника Христова на землѣ и затѣмъ восходила на небо, упираясь въ подножіе престола Господня. Таковъ фактъ сочетанія съ феодальнымъ строемъ теократическихъ идей въ контекстѣ западно-европейской исторіи. Но это сочетаніе вовсе не составляетъ сущности феодализма: идея приспособилась къ соціально-политическому строю, а не наоборотъ, и потому феодализмъ могъ существовать въ другомъ мѣстѣ и помимо этой идеи, наряду съ другимъ міровоззрѣніемъ. Примѣнительно къ Россіи приведенное нами возраженіе отдаетъ старымъ западничествомъ въ духѣ И. В. Кирѣевскаго (когда онъ былъ еще западникомъ) и П. Я. Чаадаева. Вспомнимъ, что И. В. Кирѣевскій отмѣчалъ въ удѣльной Руси отсутствіе духовной связи, а П. Я. Чаадаевъ въ томъ же духѣ указывалъ на отсутствіе у насъ наслѣдія „идей, ставшихъ традиціей въ человѣческомъ родѣ" (см. *П. М. Милюковъ*, Главныя теченія русской исторической мысли, т. I, Москва, 1897, стр. 286 и 296), и оба они изъ этой идейной основы выводили „печальныя" особенности нашего соціально-политическаго прошлаго.

[1]) Въ виду сложности документальнаго историческаго изученія и въ силу необходимаго раздѣленія труда историки русскаго права, примѣняя сравненіе, пользуются для этого относительно иностраннаго права уже готовыми изслѣдованіями иностранныхъ ученыхъ. Необходимо замѣтить, что съ послѣдними слѣдуетъ обращаться осто-

Digitized by Google

го метода къ изслѣдованію древнѣйшаго, до-удѣльнаго времени принесло цѣнные для науки плоды въ трудахъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, В. И. Сергѣевича и Ѳ. И. Леонтовича. Оставалось сдѣлать шагъ дальше и переизслѣдовать удѣльный періодъ съ сравнительно-исторической точки зрѣнія. И этотъ шагъ сдѣланъ Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ, и сдѣланъ, какъ намъ кажется, достаточно твердо.

Нашъ авторъ сосредоточилъ свои изслѣдованія на сѣверо-восточной Руси. Но почва для его выводовъ и построеній была подготовлена въ другой области—въ научной разработкѣ исторіи права Руси западной и юго-западной. Тамъ давно уже принято говорить о феодализмѣ, и тамъ же вопросъ о феодализмѣ, пройдя нѣсколько стадій развитія, выяснился до значительной опредѣленности въ пониманіи.

рожно. Они тоже далеко не чужды постороннихъ для исторіи политическихъ соображеній и разнаго рода условностей. Это можно констатировать и въ литературѣ феодализма. Нѣмецкій изслѣдователь его Ротъ, обозрѣвая въ 1850 г. французскую литературу феодализма, упрекаетъ послѣднюю въ предвзятости политическихъ идей, которыя впрочемъ и побудили французовъ къ усиленному изученію феодализма (*Paul Roth*, Geschichte des Beneficialwesens, Erlangen, 1850, Vorwort, S. IV—V). „Bey uns", говоритъ Ротъ, „wurden die rechtsgeschichtlichen Untersuchungen nicht zu politischen Schaustellungen. Wir haben deshalb gerade in dieser Frage nicht so zahlreiche Bearbeitungen" (*ibidem*, p. V). Но самъ Ротъ тоже не свободенъ отъ политической тенденціи, которая выражается въ слѣдующемъ его тезисѣ: „Wenn in den modernen Staaten die Grundlagen der Verfassung andere (sc. als in der Feudalität) geworden sind, so ist dies in den Hauptpunkten ein Rückkehr zu den ursprünglichen Zuständen, nur darin besser, dass der moderne Staat keine Unfreiheit mehr kennt" (*Paul Roth*, Feudalität und Unterthanenverband, Einleitung, S. 35). Особенно ярко выступаетъ политическая тенденція въ спорахъ о германизмѣ и романизмѣ феодальнаго строя. Отголоскомъ этихъ споровъ является и возбужденный Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ вопросъ о заимствованіи феодализма Русью (см. *Феодальныя отношенія*, стр. 74—75). Къ счастью, вопросъ этотъ рѣшается нашимъ авторомъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Digitized by Google

Еще старые польскіе историки, Чацкій, Ярошевичъ и др., занимавшіеся изученіемъ литовско-русскаго права, признали въ западной и юго-западной Руси наличность феодальнаго строя, происхожденіе котораго объясняли литовскимъ завоеваніемъ, а развитіе—рецепціей нѣмецкаго права въ Польшѣ, Литвѣ и Руси. Такое воззрѣніе перешло по традиціи и къ русскимъ изслѣдователямъ исторіи права западной и юго-западной Руси. Даже такой извѣстный и самостоятельный изслѣдователь, какъ В. Б. Антоновичъ, въ данномъ вопросѣ не свободенъ отъ оковъ старой традиціи и говоритъ о происхожденіи феодальнаго строя изъ литовскаго завоеванія [1]). Это традиціонное ученіе возбуждало уже a priori большія сомнѣнія по мѣрѣ того, какъ разработка западно-европейской исторіи среднихъ вѣковъ опровергала и разрушала старую теорію происхожденія феодализма. Но окончательный ударъ нанесенъ былъ тогда, когда Ѳ. И. Леонтовичъ документально и подробно, шагъ за шагомъ доказалъ, что въ процессѣ собиранія западной и юго-западной Руси подъ властью Литвы завоеваніе вовсе не имѣло первенствующаго и рѣшающаго значенія [2]).

Между тѣмъ подробное изученіе общественнаго быта и политическаго строя западной и юго-западной Руси постепенно показало, что феодальный характеръ нѣкоторыхъ отношеній сложился дѣйствіемъ внутреннихъ причинъ, помимо всякаго завоеванія и безъ какого бы то ни было заимствованія. Галицкій историкъ проф. Шараневичъ указалъ на то, что въ Червонной Руси переходъ отъ свободнаго состоянія всего населенія къ состоянію зависимости и къ феодальнымъ отношеніямъ совершился еще во время старыхъ князей Рюриковичей и совпалъ съ водвореніемъ удѣльной системы [3]). Затѣмъ

---

[1]) См. *В. Б. Антоновичъ*, Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I, Кіевъ, 1885 г., стр, 136—137.

[2]) См. *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Очерки по исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства, Спб., 1894 г., passim и особенно стр. 20—33.

[3]) *Izydor Szaraniewicz*, Rys wewnętrznych stosunków Galicyi

Digitized by Google

архивный изслѣдователь И Новицкій на основаніи документальныхъ данныхъ пришелъ къ выводу, что феодальная система Литовско-Русскаго великаго княжества обязана своимъ происхожденіемъ не столько заимствованію, а развилась главнымъ образомъ изъ отношеній князей къ дружинникамъ, путемъ замѣны жалованья денежнаго—земельнымъ [1]). Правильность этого вывода, съ нѣкоторой, правда, оговоркой, замѣнившей „феодальную систему“ — „феодальнымъ оттѣнкомъ“, призналъ такой глубокій знатокъ литовско-русскаго права, какъ Ѳ. И. Леонтовичъ [2]), который, кстати сказать, первый изъ нашихъ ученыхъ вполнѣ сознательно оцѣнилъ уцѣлѣвшія въ литовско-русскомъ правѣ начала быта древне-русскаго [3]).

Н. П. Павловъ-Сильванскій ссылается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на соотвѣтственныя отношенія и институты, дѣйствовавшіе въ юго-западной Руси [4]), и вопросу о патронатѣ юго-западной Руси предполагаетъ даже посвятить особый очеркъ [5]). Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что отправную точку для своего ученія о закладничествѣ-патронатѣ нашъ авторъ нашелъ въ имѣющейся уже разработкѣ литовско-русскаго права, именно—въ „протекціональныхъ людяхъ“, отмѣченныхъ Ѳ. И. Леонтовичемъ въ изслѣдованіи о крестьянахъ юго-западной Россіи,

---

Wschodniej w drugiej połowie piętnastego wieku, Lwów, 1869, p. 61 et sequ.

[1]) См. Арх. Ю. З. Р. Часть VI т. I (1876 г.), Предисловіе *Ив. Новицкаго*, стр. 159.

[2]) *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Очерки исторіи литовско-русскаго права, Спб., 1894 г., стр. 5 nota 1-а.

[3]) См. *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ видахъ настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права, *Кіевск. Унив. Извѣстія*, 1865 г., №№ 2, 3 и 4.

[4]) См. *Люди кабальные и докладные*, стр. 21; *Закладничество-патронатъ*, Записки И. Р. Арх. Общ., т. IX в. 1—2, стр. 194—195; *Иммунитетъ*, стр. 39—41.

[5]) *Записки Имп. Русск. Арх. Общ.*, т. IX, вып. 1—2, стр. 195 nota 3-а.

Digitized by Google

на которое нашъ авторъ и дѣлаетъ ссылки. Думаемъ поэтому, что новое ученіе о закладничествѣ-патронатѣ отправлялось не только отъ „забытаго взгляда Соловьева“ [1]), но и отъ указаннаго ученія Ѳ. И. Леонтовича.

V.

Правильное примѣненіе сравнительно-историческаго метода является въ высшей степени плодотворнымъ для научной разработки исторіи русскаго права. Только оно дало надлежащее освѣщеніе древнѣйшему періоду нашей исторіи; оно же породило вполнѣ достойный научнаго признанія пересмотръ конструкцій общественнаго и политическаго строя удѣльной Руси. Не слѣдуетъ ли ему сдѣлать еще шагъ впередъ и послужить средствомъ для научнаго переизслѣдованія устройства Московскаго государства? Мы думаемъ, что это составляетъ тоже назрѣвшій вопросъ нашей историко-юридической науки.

Къ изученію Московскаго государства уже примѣняли сравнительно-историческій методъ, но это примѣненіе было или совершенно неправильнымъ, или же правильнымъ, но неполнымъ, такъ какъ ограничивалось, хотя и важнымъ, все же однимъ лишь учрежденіемъ, и не распространялось на весь политико-правовой строй.

Неправильность примѣненія была въ данномъ случаѣ въ высшей степени странная: въ Московскомъ государствѣ находили черты феодализма. Къ такому выводу пришелъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка одиноко стоящій въ ряду изслѣдователей исторіи русскаго права—Н. Хлѣбниковъ. По его мнѣнію, нашъ удѣльный періодъ нельзя сравнивать съ феодализмомъ, такъ какъ періодъ этотъ „имѣетъ совершенно

---

[1]) Такое признаніе дѣлаетъ самъ *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, см. *Новое объясненіе закладничества*, Журн. Мин. Нар. Просв., 1901 г., № 10, стр. 444.

Digitized by Google

аналогическія явленія лишь съ исторіей дома Меровинговъ, а существенныя черты феодальной системы (т. е. жалованіе войска землями) у насъ проявляются лишь съ XIV, или лучше XV столѣтія и продолжаются до временъ Петра Великаго" [1]). На этомъ основаніи Н. Хлѣбниковъ изучаетъ феодальные порядки въ „царскомъ періодѣ" русской исторіи [2]). Въ наше время, когда солидныя изслѣдованія Н. П. Павлова-Сильванскаго поставили на очередь вопросъ о феодализмѣ въ Россіи, вновь повторяется старая ошибка. Воскресилъ ее г. Н. Рожковъ, авторъ одного изъ новѣйшихъ (1901 г.) учебниковъ русской исторіи. Г. Н. Рожковъ призналъ ученіе Н. П. Павлова-Сильванскаго о закладничествѣ-патронатѣ вполнѣ доказаннымъ [3]), и такимъ образомъ рѣшилъ утвердительно принципіальный вопросъ о существованіи феодализма въ Россіи, но только помѣстилъ его въ политическій строй Московскаго государства [4]). Подобныя мертвыя и воскрешенныя изъ мертвыхъ ученія о феодализмѣ Московскаго государства являются несостоятельными въ научномъ отношеніи. Мѣткое ихъ опроверженіе находимъ въ одномъ высказанномъ вскользь замѣчаніи Н. П. Павлова-Сильванскаго. „Помѣстная система XVI и XVII вѣковъ была", говоритъ нашъ авторъ, „*принудительнымъ испомѣщеніемъ* служилыхъ людей, обязанныхъ службой, и съ ея регламентированнымъ верстаніемъ новиковъ существенно отличалась отъ порядковъ удѣльнаго времени" [5])—и, договоримъ до конца,—отъ феодальнаго строя.

Строго-научное примѣненіе сравнительно-историческаго метода къ Московскому періоду сдѣлано въ изслѣдованіяхъ

---

[1]) *Н. Хлѣбниковъ*, Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи, Спб., 1872 г., стр. 450.

[2]) См. *Его-же*, О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, Спб., 1869 г., стр. 15.

[3]) *Н. Рожковъ*, Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи, журн. *Жизнь*, 1900 г., № 9.

[4]) *Н. Рожковъ*, Учебникъ русской исторіи, 1901 г., стр. 50.

[5]) *Феодальныя отношенія*, стр. 34.

Digitized by Google

о земскихъ соборахъ,—В. И. Сергѣевича, а за нимъ и В. Н. Латкина [1]). Въ нихъ наши земскіе соборы конструированы какъ учрежденія сословнаго представительства. Этотъ выводъ можетъ послужить солиднымъ операціоннымъ базисомъ для распространенія сравнительно-историческаго изученія на весь политико-правовой строй Московскаго государства, который, быть можетъ, свободно уляжется въ общія рамки сословно-монархическаго государства, въ свое время сложившагося на почвѣ феодализма. Въ этомъ отношеніи можетъ служить превосходнымъ методологическимъ пособіемъ для нашихъ изслѣдователей новѣйшій трудъ Фр. Тецнера (*Friedrich Tezner*) по этому вопросу—*Technik und Geist des ständisch-monarchischen Staatsrechts* (1901 г.) [2]). Между прочимъ въ этомъ сочиненіи можно найти вполнѣ реальное объясненіе того взаимоотношенія монарха и земли, которому наши славянофилы приписывали самобытное происхожденіе и придавали какой-то мистическій смыслъ.

---

[1]) *В. И. Сергѣевичъ*, Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ, *Сборникъ Государ. Знаній*, томъ II, 1875 г.

В. Н. Латкинъ, Земскіе соборы древней Руси, Спб., 1885 г.

[2]) См. Staats-und socialwissenschaftliche Forschungen herausgegeben von *Gustav Schmoller*, Band XIX, Heft 3.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

LIBRARY USE

AUG 29 1950

10 Dec 54 VL

дно-рус-
кое из-
75 коп.
тельная

Варша-

LD 21-100m-11,'49(B7146s16)476

Цѣна 40 коп.

Digitized by Google